

**ДМИТРИЙ
САФОНОВ**

ЭПИДЕМИЯ

Романы-катастрофы

Дмитрий Сафонов

Эпидемия

«Сафонов Дмитрий Геннадьевич»

2006

Сафонов Д. Г.

Эпидемия / Д. Г. Сафонов — «Сафонов Дмитрий Геннадьевич»,
2006 — (Романы-катастрофы)

ISBN 5-8189-0565-9

«Предновогодний снег кружился мягкими пушистыми хлопьями и медленно оседал, окутывая огромные разлапистые ели в праздничный наряд. Между деревьями пролегла едва заметная, шириной в одну полосу, дорога, ведущая к въездным воротам. Снаружи объект ограждал высокий забор из толстых бетонных плит. Никакой колючей проволоки, которая могла бы привлечь излишнее внимание — только миниатюрные камеры видеонаблюдения, укрепленные на опорных столбах с промежутками в сто — сто пятьдесят метров. В наружном заборе были только одни ворота, но зато такие огромные, словно они закрывали целый город. Впрочем, это было не далеко от истины — на территории спецобъекта вполне мог бы разместиться мегаполис с миллионным населением...»

ISBN 5-8189-0565-9

© Сафонов Д. Г., 2006

© Сафонов Дмитрий
Геннадьевич, 2006

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Сафонов

Эпидемия

Пролог

День поросенка

Сибирь. 287 километров от Красноярска. Спецобъект "Заслон-2". 29 декабря 2004 года. 9 часов 08 минут.

Предновогодний снег кружился мягкими пушистыми хлопьями и медленно оседал, окутывая огромные разлапистые ели в праздничный наряд. Между деревьями пролегла едва заметная, шириной в одну полосу, дорога, ведущая к въездным воротам.

Снаружи объект ограждал высокий забор из толстых бетонных плит. Никакой колючей проволоки, которая могла бы привлечь излишнее внимание – только миниатюрные камеры видеонаблюдения, укрепленные на опорных столбах с промежутками в сто – сто пятьдесят метров.

В наружном заборе были только одни ворота, но зато такие огромные, словно они закрывали целый город. Впрочем, это было не далеко от истины – на территории спецобъекта вполне мог бы разместиться мегаполис с миллионным населением.

От ворот дорога вела ко второму, внутреннему забору из ажурной сетки-рабицы, обрзавывавшему в плане почти идеальный круг диаметром три километра. Дорога прерывалась полосатым шлагбаумом, открывавшимся, по всей видимости, автоматически, потому что никакой будки рядом с ним не было.

В центре круга стояло невысокое здание, почти до самой крыши занесенное снегом. Его размеры волей-неволей наводили на мысль, что самое главное здесь спрятано под землей.

Маленький колесный трактор, бойко выпуская черный выхлоп, очищал от снега подъезд к спецобъекту. Только радостное тарахтение дизельного двигателя нарушало вязкую, застывшую тишину.

С высоты птичьего полета "Заслон-2" выглядел, как огромное безжизненное поле, покрытое идеально ровной и чистой простыней снега. Ни вышек, ни деревьев, ни следов, – только прямой луч дороги, ведущей от приземистого здания к воротам в бетонном заборе.

Серое мгlistое утро постепенно прояснялось, готовясь уступить права такому же серому и наверняка не менее мгlistому дню.

Казалось, само ВРЕМЯ, устав пробираться сквозь трескучий сибирский мороз, осело в глубокий сугроб и замерзло, превратившись в ледяную статую.

* * *

Однако суматоха, творившаяся внутри спецобъекта, не шла ни в какое сравнение с безмятежностью, царившей снаружи. Не удивительно; сегодня, 29 декабря, был, как любили здесь выражаться, "днем поросенка".

– Как именинник?

Мужчина, задавший вопрос, сам чем-то неуловимо напоминал поросенка. Невысокий, плотный, на затылке – редкая рыжая щетина, подстриженная "под машинку".

Несвежий белый халат был ему немного велик, и мужчина закатал рукава до локтей. Под мышками проступили влажные круги; в широком вырезе виднелся небрежно завязанный гал-

стук очень рискованной расцветки – по крайней мере, ни в один приличный ресторан обладателя такого галстука ни за что бы не пустили.

– Все нормально, Валентин Алексеевич, – отозвался его собеседник – высокий черноволосый красавец, словно сошедший с экрана немого кино. – Прошло уже шесть часов, а он только похрюкивает.

– Похрюкивает, говоришь? – Валентин Алексеевич широко улыбнулся, и его уши, дрогнув, смешно устремились к затылку. – Интересно, что бы он сказал, если б знал, что его ожидает?

– А ничего бы не сказал, – преувеличенно весело отозвался красавец; но эта напускная веселость не могла скрыть напряжения в голосе. – Он бы, скорее всего, сам обмазался сметаной и прыгнул в духовку.

Низенький захихикал и ткнул высокого локтем в бок.

– Хорошо, что "Гринпис" тебя не слышит.

– Ох, Валентин Алексеевич... Еще лучше, что он нас не видит.

Мужчина с цветастым галстуком поднял глаза к потолку и помахал видеокамере.

– Ребята! Вы еще не вступили в общество охраны животных?

Он знал, что на центральном пульте четыре пары глаз круглосуточно наблюдают за всем, что происходит на объекте. Еще он знал, что старший смены охраны наверняка сочтет подобное обращение несколько фамильярным, но... Для Валентина Алексеевича Ильина, вирусолога с мировым именем, такая вольность была вполне позволительной.

Черноволосый, напротив, опустил голову и, почти не размыкая губ, тихо сказал:

– Они охраняют не животных. Они охраняют нас.

Вот с ним-то охрана режимного объекта точно не стала бы церемониться. Ассистент ведущего разработчика – невелика фигура. Он был неженат, а родители думали, что их сын трудится в "почтовом ящике" где-то под Арзамасом. К тому же – на спецобъекте был великолепный цех утилизации отработанного биологического материала; птиц, мышей, крыс, морских свинок, кроликов и свиней. Тело ассистента, вздумай он нарушить внутренний распорядок или, не дай Бог, ляпнуть что-то не то, без труда сошло бы за двух поросят.

Мужчины подошли к массивным бронированным дверям, и здесь их веселье сняло, как рукой.

Ильин приложил ладонь к сканирующему устройству; через несколько секунд кнопка лифта зажглась зеленым огоньком, показывая, что функция вызова стала активной.

Ильин вызвал лифт, и дверь полуметровой толщины медленно отпозлзла в сторону. Мужчины вошли в кабину, черноволосый нажал на кнопку с цифрой "4". Им надо было на четвертый подземный этаж, в святая святых спецобъекта. Лифт мягко дрогнул и поехал вниз.

На четвертом этаже дверь лифта открылась в длинный коридор, залитый ослепительно-ярким молочным светом. Коридор казался бесконечным; мужчины шли, а он все продолжался и продолжался.

Они шли около пяти минут, ощущая, что кто-то наблюдает за ними через объективы видеокамер. Наконец они уперлись в металлическую стену, блестящую, как новая дешевая раковина.

Ильин стал в одном углу; ассистент – в другом. Они переглянулись и одновременно достали пластиковые карточки – магнитные ключи.

– Ну, с Богом! – сказал Ильин. Голос его звучал хрипло.

Черноволосый поморщился, словно хотел сказать, что едва ли Он одобрил бы их действия. Хотя... Как сказать. У Господа нет случайных тварей, равно как и случайных дел – просто Его пути неисповедимы.

Они вставили карточки в прорези считывающих устройств. Послышалось приглушенное гудение электродвигателей, и в десяти метрах позади них из пола показалась плита, двигавшаяся навстречу такой же, выехавшей из потолка.

Несколько секунд – и плиты сомкнулись точно посередине, отсекая мужчин от коридора и лифта. Эту преграду нельзя было разрушить даже прямым выстрелом из танковой пушки; плиты были сконструированы таким образом, что при любом сильном воздействии их намертво заклинивало, а приводы выходили из строя, навеки замуровывая четвертый подземный этаж.

Затем раздалось шипение; стена перед ними раздвинулась, и мужчины почувствовали легкий ветерок, взъерошивший волосы и неприятно холодивший затылок – давление за стеной было ниже, чем в коридоре.

Они быстро шагнули в узкую щель, разорвав паутину тонких голубоватых лучей. Двери за ними мгновенно закрылись.

Здесь работало только дежурное освещение; ассистент щелкнул тумблерами, и небольшое помещение озарилось таким же ярким светом, как и в коридоре.

– Ну что, Коля, – сказал Ильин. – Переоденемся? Для вечеринки?

Черноволосый Николай кивнул и направился к нише, утопленной в боковой стене.

Мужчины достали два скафандра из толстой резины, натянули их на себя и стали похожи на неопрятных космонавтов. Баллоны со сжатым воздухом матово поблескивали за спинами.

– О'кей! – сказал Ильин. – Заходим?

Они направились вглубь помещения и оказались у стеклянной двери, ведущей в переходный шлюз. Дверь открылась, повинувшись нажатию на кнопку в полу. Мужчины вошли в шлюз; чуткий пол, почувствовав неподвижную тяжесть людских тел, отдал команду о герметизации. Давление стало падать; складки на скафандрах расправились, толстая резина раздулась, и с потолка полилась дезинфицирующая жидкость.

Это длилось несколько минут; затем поток жидкости прекратился, и давление выровнялось. Противоположная дверь отъехала в сторону, и мужчины перешли в помещение центрального пульта.

Поражало полное отсутствие каких-либо острых углов в помещении; здесь не было ничего, обо что можно было бы порвать резину скафандра. Даже стулья имели плавные закругленные обводы и выглядели как декорация к фантастическому фильму.

Крупные кнопки на пульте далеко отстояли друг от друга – чтобы человеку в перчатках было удобно на них нажимать.

Ильин надавил на красную – включил дублирующую аудио- и видеозапись.

– Сегодня 29 декабря, 5 часов 08 минут по московскому времени, 9:08 – по местному, – начал Ильин. – Начинаем эксперимент по активации штамма А-Эр-Си – 66. Эксперимент проводят Ильин Валентин Алексеевич, личный номер 004128, и Кудрявцев Николай Владимирович, личный номер 012152. Для этого в лабораторном помещении объемом 100 кубических метров был распылен опытный образец штамма объемом два миллилитра, что соответствует объему мокроты, выделяемому при чихании среднестатистическим человеком. Концентрация вируса взята с расчетом минимально допустимой концентрации поражающего агента в условиях мегаполиса в безветренную погоду.

Распыление штамма произведено шесть часов назад, что соответствует удвоенному инкубационному периоду, однако клинических симптомов и вообще – каких-либо признаков заболевания у подопытного животного пока не наблюдается.

Можно предположить, что вирус циркулирует в крови животного, взятого для эксперимента. Его нейраминидаза находится пока в неактивной форме, что затрудняет проникновение вируса внутрь клетки.

Для активации предполагается посылать сигнал условленной частоты. Предельная выходная мощность сигнала ограничена 2 Ваттами, что в точности воспроизводит требования, предъявленные к разработчикам...

Ильин повернулся к ассистенту.

– Ну что, Коля? Я пошлю ему "валентинку"?

Говорить это не стоило; чуткие микрофоны ловили каждый звук, преобразуя его в цифровую форму, но Ильин не мог удержаться от немудреного каламбура. В конце концов, штамм А-Эр-Си – 66 был его произведением. Первая и пока единственная молекулярная форма, управляемая электромагнитным импульсом.

Николай кивнул.

Ильин сместился вправо и откинул прозрачный пластиковый колпак, скрывавший зеленую кнопку. Рука его не дрожала.

Передатчик, установленный в лабораторной комнате, надежно защищенной от всех видов электромагнитных волн, послал короткий повторяющийся сигнал.

– Теперь будем ждать, – сказал Ильин, поймав вопросительный взгляд ассистента.

Они сели рядом и стали ждать, уставившись на огромное, от пола до потолка, стекло, отделявшее их от лаборатории.

* * *

10 часов 35 минут. Один час двадцать семь минут спустя.

– Смотри-ка! – первым это заметил Ильин. – По-моему, началось!

Мужчины вскочили со стульев и подошли к стене. Прозрачная стеклянная преграда была вполне надежной, но, тем не менее, они не решались подойти к ней ближе, чем на метр.

– Что-то я ничего не вижу, – признался Николай. – Склеры нормальные, кожа цвет не изменила...

– Господи, да при чем здесь склеры? Ты смотри на поведение! Он уже не жрет свою баланду! Пятачок воротит!

– Да?

– Коля, поверь мне: ему не по себе. Неужели ты думаешь, что свинья без веской причины откажется от еды?!

– Ну-у-у...

Ильин махнул рукой и подошел к пульту.

– 10 часов 35 минут. Прошел один час и двадцать семь минут от момента начала эксперимента. Воздуха в баллонах пока достаточно, и я надеюсь, что этот хрюша околеет раньше, чем мы задохнемся... – он коротко рассмеялся и сменил интонацию. – Наблюдаем изменение поведенческих реакций подопытного животного – в частности, отказ от пищи.

Рука в резиновой перчатке потянулась к синей кнопке. Лампа под потолком лаборатории вспыхнула и погасла.

Нежно-розовый поросенок внезапно подпрыгнул, словно его ударило током. Он сделал три резких скачка и, уткнувшись в боковую стену лабораторной комнаты, упал. Затем он тяжело поднялся на ноги и стал дрожать – всем телом.

Это продолжалось недолго – около пятнадцати секунд, после чего поросенок, как ни в чем не бывало, подошел к бадье с баландой и принялся есть.

Ильин и ассистент переглянулись. Сквозь стекло скафандра Николай разглядел довольную улыбку шефа.

– Наблюдается период "черного пятна", – надиктовывал Ильин, – зафиксированный ранее в экспериментах с кроликами и морскими свинками. Девиация в привычном поведении, отказ от пищи, бурная единичная реакция на мощный световой раздражитель, проявление

немотивированной мышечной активности, неконтролируемый тремор, после чего все приходит в норму, – он улыбнулся иезуитской улыбкой. – Правда, ненадолго. Диагноз: первичная вирусемия. Бурная репликация вируса и устойчивое персистирование продуктов распада клеток организма в крови. Через пятнадцать, самое позднее – двадцать минут ожидаем проявления вторичных признаков инфицирования.

Он хлопнул Николая по плечу и показал на стулья: мол, занимай места в партере. Где еще такое увидишь?

В этом он был прав. Нигде, кроме как на спецобъекте "Заслон-2", увидеть такое было невозможно. Управление смертоносным вирусом с помощью слабого сигнала фиксированной частоты – это что-то из области фантастики.

Либо – ежедневная реальность из работы фабрики по созданию бактериологического оружия, запрятанной в глухой сибирской тайге.

И то, и другое было пугающим. И величественным.

Россия, к тому времени почти потерявшая статус сверхдержавы, продолжала оставаться таковой – хотя бы потому, что на пути возможной агрессии стоял надежный заслон.

"Заслон-2".

* * *

10 часов 54 минуты. Один час сорок шесть минут от начала эксперимента.

– Ну вот, а теперь, кажется, и склеры... – удовлетворенно сказал Ильин.

Мужчины снова приблизились к стеклу.

Поросенок уже отошел от кормушки; она его больше не интересовала. Он уловил какое-то движение и увидел странных существ – за всю свою короткую жизнь ему не приходилось видеть ничего подобного. Поросенок громко завизжал, но не двинулся с места.

– Да, склеры... – согласился ассистент.

Глаза у поросенка выкатились из орбит и сделались алыми. Он несколько раз моргнул, и его белые пушистые ресницы окрасились кровью.

Ильин хлопнул в ладоши и вернулся к пульту.

– Так, теперь каждая минута пойдет под запись. А я уже вспотел, как мышь, и не прочь сходить в туалет. Ну да ладно, чем только не пожертвуешь ради торжества науки. Диктую... – он прочистил горло и начал.

– С момента появления первичных признаков прошло... девятнадцать минут. Это несколько быстрее, чем мы ожидали, но, думаю, все можно объяснить особенностями данного конкретного организма. Стенки кровеносных сосудов утратили свою целостность и стали свободно проницаемы для форменных элементов крови. Полагаю, нечто подобное происходит сейчас во всех внутренних органах животного – множественные кровоизлияния и массивный выход эритроцитов за пределы кровеносного русла. Термодатчики... – он бросил взгляд на электронные приборы, зелеными цифрами мерцавшие на пульте, – показывают увеличение температуры тела на одну целую и четыре десятых градуса.

Копытца поросенка разъехали на гладком полу; он чуть было не упал, но в последний момент дернулся и снова обрел равновесие. Этого небольшого толчка было достаточно, чтобы алая влага, скопившаяся в глазах животного, сорвалась с ресниц и потекла по морде двумя широкими дорожками.

– У-у-у, кровавые слезы, – сладострастно выдохнул Ильин. – Вот оно! Наконец-то!

В такие моменты Николай начинал по-настоящему бояться шефа; Ильину было глубоко наплевать на живых существ, над которыми он проводил эксперименты; казалось, ничего, кроме убийственных вирусов, его больше не интересовало.

– Так. Продолжаю дальше. Налицо минимальная утрата координации; видимо, это связано с кровоизлияниями в мозговые оболочки. На мой взгляд, уже в этот момент изменения в организме приняли необратимый характер... Надо будет подтвердить результатами вскрытия в последующих экспериментах.

Поросенок закинул голову набок и стал хрипеть. Из пяточка показались две вязкие красные нитки.

– Отлично, – сказал Ильин. – Видеозапись фиксирует время в автоматическом режиме, поэтому я больше отвлекаться на это не буду.

Передние ноги поросенка подогнулись, и он упал на колени, уткнувшись мордой в пол. При этом он выпустил струю алой пузырящейся мочи.

– Более сильная утрата координации, – отметил Ильин и продолжал. – Почечный барьер разрушен. Убедительный результат. Я, право, не думал, что все произойдет настолько быстро. Видимо, вирулентность штамма превосходит все мыслимые ожидания. Правда, нужно отметить, что кожа по-прежнему не пропускает форменные элементы крови, но это – просто вопрос времени.

Еще полчаса все продолжалось точно так же, без резких качественных изменений. Через полчаса шкура несчастного животного покрылась мелкими капельками красной росы – словно поросенок потел кровью.

– Кажется, близится финал, – сказал Ильин. – Еще немного – и мы сможем снять эти проклятые презервативы.

Поросенок завалился набок и забил ногами, будто пытался убежать от своей незавидной участи. Его пасть раскрылась в неслышном за стеклом крике, и из нее полетели сгустки темной крови.

– Конвульсии, – произнес Ильин. – Николай, фиксируй момент смерти. Она, как всегда, приходит вовремя.

Поросенок сделал несколько последних судорожных движений и затих, вытянувшись во всю длину.

– Ну вот и все, – сказал Ильин.

Голос его дрожал – от возбуждения.

– Получилось! "Нобеля" нам, конечно, за это не дадут... А по-хорошему – следовало бы. Это же – прорыв!

Николай, за весь ход эксперимента едва обронивший пару слов, молча кивнул. Эта картина всегда его подавляла. Он и сейчас не знал, что ему делать – радоваться, что четыре года напряженной работы увенчались успехом или бояться, что человечество приобрело новый смертоносный вирус? В любом случае, ему все меньше и меньше нравилась своя работа.

– Удивительно, – разглагольствовал Ильин, – как свиньи похожи на людей...

– Скорее, люди – на свиней, – осторожно вставил Кудрявцев.

– Да... – Ильин махнул рукой. – Это одно и то же. Те же самые... только вид сбоку. Дай свиньям право голоса, они наверняка возмутятся, что их режут, пускают на сало, окорок или карбонад. И сами того не понимают, что для них это – наилучший выход. Так же и люди – все время брюзжат, жалуются на судьбу, но при этом забывают одну простую вещь... Всегда может быть хуже, чем есть.

– Очень оптимистичный взгляд на вещи.

Ильин довольно рассмеялся.

– А я вообще – оптимист. Мне нравится моя жизнь, и менять ее я не собираюсь.

– Да, я тоже, – согласился Кудрявцев. Правда, немного поспешно и совершенно неискренне. Желая сгладить неловкость, он спросил. – Когда будем вскрывать?

– А-а-а, – спохватился Ильин и снова нажал зеленую кнопку, отключающую сигнал.

Он посмотрел на неподвижное тело поросенка, лежавшее в луже крови.

– Думаю, где-нибудь через сутки. В мертвом теле какое-то время будет реплицироваться вирус, но уже в неактивной форме – сигнала-то нет. А те активные, что еще остались, уьем спецобработкой. Но – завтра! Все завтра. Сейчас – отдыхать. После обеда я должен сделать некоторые записи в журнале исследований, наметить новые направления, ну, и все такое прочее. Рутинка. Сладкое оставим на потом. Согласен?

Николай криво улыбнулся. Даже если бы он был несогласен, это ничего бы не меняло. Ровным счетом ничего.

Мужчины зашли в переходный шлюз, выстояли положенное время под дождем дезинфектанта и вернулись обратно, в промежуточное помещение.

Сняли скафандры, вставили в считывающие устройства электронные ключи и оказались в коридоре. Как только двери за ними закрылись, плиты стали медленно расходиться.

Мужчины дождались, когда путь к лифту стал свободен, и двинулись вперед, сквозь безжалостный свет мощных ламп.

Эксперимент завершился. Самое главное было доказано: вирус будет действовать и на человека. Хромосомные наборы людей и свиней очень похожи. Стало быть, если А-Эр-Си – 66 убивает поросенка... В общем, помоги нам Бог!

* * *

16 мая 2005 года. 13:47.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ.

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ РФ.

Настоящим докладываю, что силами сотрудников спецобъекта "Заслон-2" разработан штамм А-Эр-Си – 66, не имеющий аналогов в мире. Штамм предназначен для поражения живой силы возможного противника, но в большей степени – гражданского населения, а именно – городской его части.

Специфика поражающего агента такова, что штамм переходит в активную форму под действием электромагнитного импульса определенной частоты и мощности.

Распространение штамма происходит самым эффективным путем – воздушно-капельным. А-Эр-Си -66 является модифицированным вирусом гриппа, и вызываемые им симптомы весьма схожи с симптоматикой при гриппе, однако являются более выраженными и тяжелыми.

Заболееваемость – 100 %. Предполагаемая смертность – 96 %.

Профилактика – неспецифическая (противовирусные средства).

Вакцина – не разработана.

Наиболее действенное средство защиты (эффективность – 100 %) – прибор ЧИП-66. В настоящий момент имеются только опытные образцы прибора; прошу организовать производство силами предприятия "Радон".

Начальник спецобъекта "Заслон-2"

генерал-майор

Курмангалиев Э.К.

* * *

ДВАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ.

ВЫБРОС.

20 сентября 2005 года. 06:27.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. МОЛНИЯ!

ПРЕЗИДЕНТУ РФ. (КОПИЯ – МИНИСТРУ ОБОРОНЫ РФ, НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА МО И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ФСБ РФ).

По неустановленным причинам на спецобъекте "Заслон-2" произошел неконтролируемый выброс БАВ (биологически активного вещества). Точное время выброса зафиксировать не удалось. За несколько часов ситуация приобрела угрожающий и необратимый характер.

Согласно директиве за № 00074 спецобъект "Заслон-2" был полностью блокирован и в дальнейшем подвергся РАДИКАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ.

Начальник охраны режимных объектов
по Красноярскому краю
генерал-лейтенант ФСБ
Пыльников С.Ю.

* * *

20 сентября. Москва. Раннее утро.

Самолет прорезал густые облака, повисшие над столицей, и стал заходить на посадку. Стюардесса, сидевшая на откидном стульчике в начале салона, пристально вглядывалась в лицо высокого черноволосого мужчины, прильнувшего к иллюминатору.

Ее сильно беспокоило поведение этого пассажира – с того самого момента, как он поднялся на борт. Мужчина выглядел чем-то встревоженным. Сначала она подумала, что он просто боится летать; ну, боится и боится, мало ли таких?

Но мужчина, едва устроившись в кресле, сразу же нажал кнопку вызова.

– Да? – ярко накрашенные губы раздвинулись в профессиональной улыбке.

– Скажите, ВСЕ пассажиры обязаны отключать мобильные телефоны на время полета? – поинтересовался брюнет.

Стюардесса с сожалением покачала головой. "Ну вот, еще один безумный бизнесмен, не представляющий, как можно хоть минуту прожить без сотового".

– Да, все, – подтвердила она. – Боюсь, вам придется на какое-то время...

– Отлично! – перебил мужчина. И добавил, словно посвящал ее в страшную тайну. – У меня нет сотового. И вообще – я их ненавижу.

– А-а-а, – понимающе кивнула стюардесса. – Конечно. Я с вами согласна – порой от них больше вреда, чем пользы.

– Точно, – сказал мужчина и подмигнул ей, как сообщнице.

Она выдержала короткую паузу – "мол, не нужно ли вам чего-то еще?" – и отошла.

Вторая странность случилась, когда она стала разносить еду.

Мужчина протянул руку за стандартной порцией курицы с рисом. Протянул, но так и не взял.

– Интересно, – сказал он. – Но я совсем не хочу есть.

– Наверное, вы плотно позавтракали перед вылетом? – спросила стюардесса. Чем больше он раздражал ее, тем шире становилась улыбка.

– Да, я очень плотно позавтракал, – сказал брюнет, шевеля пальцами в воздухе, но так и не решаясь взять тарелку. – Но – ВЧЕРА, понимаете? Вчера!

– Вы не будете есть?

Он некоторое время молчал, будто размышлял над трудноразрешимой проблемой.

– Скажите, а у вас нет ремантадина? А лучше – озельтамивира? Это... – он нетерпеливо пощелкал пальцами, – блокатор нейраминидазы... В аптеках он называется "Тамифлю"?

"О Боже! Такое название не то, что запомнить – выговорить невозможно!" – подумала стюардесса.

– Я посмотрю... Но не обещаю...

– Да, пожалуйста, посмотрите! – нервно воскликнул мужчина. Он даже повысил голос, и другие пассажиры стали настороженно озираться.

– Конечно, конечно, – девушка поняла, что пантомиму с курицей необходимо срочно заканчивать. Она поставила тарелку на тележку и покатила ее дальше между рядами кресел.

"Тамифлю" в аптечке, естественно, не оказалось, о чем она и сообщила странному брюнету.

– Плохо... – задумчиво сказал он. – Очень плохо...

Его глаза почему-то напомнили стюардессе глаза подопытного кролика – такие же пустые и бессмысленные. Было в них что-то еще, усиливавшее сходство именно с кроликом, но девушка не обратила на это внимания.

– Меня немного знобит, – сказал черноволосый. – Пожалуйста, принесите одеяло.

– Хорошо.

Салон первого класса был наполовину пуст, и стюардесса только порадовалась тому обстоятельству, что рядом с беспокойным брюнетом никто не сидит. Она принесла ему одеяло, и мужчина закутался в него, как в кокон, накрывшись с головой.

"Надеюсь, когда-нибудь примут закон, запрещающий сумасшедшим летать", – подумала стюардесса и занялась своими делами.

* * *

Самолет начал снижаться. Над дверью зажглось табло с надписью: "Не курить! Пристегните ремни!".

Стюардесса прошла по салону, проверяя, все ли пассажиры проснулись. Лайнер вылетел из Красноярска рано утром и устремился на запад, убегая от встающего из-за горизонта солнца, поэтому местное время вылета практически совпадало с московским временем прилета.

Тот самый брюнет... Он сидел, закутавшись в одеяло.

Девушка осторожно положила руку ему на плечо. Мужчина вздрогнул – так сильно, что она испугалась.

– Что? – воскликнул он, откидывая плед. Его покрасневшие глаза бешено вращались. "Не выспался", – решила стюардесса.

– Мы подлетаем. Пристегните, пожалуйста, ремень.

– Подлетаем? – мужчина рывком отбросил одеяло и вскочил с места.

– Сядьте, пожалуйста, и пристегните ремень, – настойчиво повторила стюардесса.

Ей очень не хотелось, чтобы во время посадки возник ненужный конфликт, но, похоже, дело шло именно к этому. "Придется вызывать второго пилота, чтобы он устроил этого... идиота".

Мужчина отстранил стюардессу и достал с полки чемоданчик.

– Сядьте, пожалуйста, в кресло...

– Да отстаньте вы от меня! – вскричал черноволосый, но в кресло все же сел.

Он поставил чемоданчик на колени и положил на него руки.

– Зеркало... – глухо сказал он. – У вас есть зеркало?

– Что? – девушке вдруг захотелось оказаться как можно дальше от него. "Еще набросится... Поскорее бы приземлиться!".

Стюардесса отошла в начало салона, поближе к кабине пилотов, и села на откидной стульчик, лицом к пассажирам. Она пристально следила за поведением брюнета.

А тот вел себя очень странно. Он что-то тихо бормотал, затем ненадолго смолкал и прижимался лицом к иллюминатору.

Внезапно стюардесса почувствовала, как поведение самолета изменилось. Двигатели взревели, снова перейдя на повышенные обороты, самолет прекратил снижение, выровнял полет и стал крениться на правый борт.

"Почему мы прервали посадочную глиссаду? И зачем мы заходим на второй круг?". Девушка не удержалась и посмотрела в иллюминатор, словно могла там разглядеть причину внезапной перемены курса. На ее лице отразилась тревога.

Это длилось одно короткое мгновение. Мимические мышцы машинально сложились в дежурную улыбку, но черноволосый все уже понял. Стюардесса отвернулась от иллюминатора и наткнулась на его колючий немигающий взгляд.

– Все в порядке, – поспешно сказала она. – Ничего особенного...

Брюнет кивнул.

– Я вижу.

Он громко хлопнул ладонями по чемоданчику и с тоской закричал:

– Я же чувствовал, что все так и будет! Я чувствовал это!

* * *

20 сентября 2005 года. 06:29.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. МОЛНИЯ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ФСБ РФ.

Вследствие неконтролируемого выброса БАВ (биологически активного вещества) и в соответствии с директивой за № 00074 спецобъект "Заслон-2" был подвергнут РАДИКАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ. В настоящее время из сотрудников спецобъекта остался только Кудрявцев Н.В., личный номер 012152, находящийся в служебной командировке в г. Москва.

Вероятность инфицирования Кудрявцева Н.В. одним из видов БАВ очень высока.

Прошу принять безотлагательные меры по установлению места нахождения и последующей РАДИКАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ указанного сотрудника – во избежание возможности возникновения крупномасштабной эпидемии.

Начальник охраны режимных объектов

по Красноярскому краю

генерал-лейтенант ФСБ

Пыльников С.Ю.

* * *

– Где он сейчас?

Седоволосый мужчина в элегантном костюме положил перед собой стопку стандартных листов формата А4 и, немного покопавшись в пластиковом стакане, выбрал самый острый карандаш.

– На борту.

– Когда посадка?

– Рейс уже должен был приземлиться, мы успели перехватить его в последние секунды. Командир корабля передал, что керосина совсем не осталось. Он может покружить над аэродромом еще несколько минут, не больше. Говорит, что ни о каком другом аэродроме не может быть и речи.

Седоволосый размашисто вывел на листе: "Времени нет".

– Передайте, пусть садится на самую дальнюю полосу. И чтобы ни в коем случае не приближался к зданию аэропорта. Сколько пассажиров на борту?

– Сорок шесть и двенадцать членов экипажа.

Седоволосый написал: "46 + 12".

– Этот... Кудрявцев. Он здесь в командировке?

– Так точно, товарищ генерал.

– С какой целью?

– Он должен был доставить усовершенствованный образец прибора ЧИП-66, чтобы передать его конструкторской группе "Радона".

– В Красноярске его провожали?

– До самого трапа. В Домодедово его тоже встречают, поэтому мы смогли так быстро отреагировать.

– Стало быть, пока никакой реальной опасности нет?

Референт пожал плечами.

– Можно предположить, что он является носителем неактивной формы вируса.

– И сейчас он активировался?

– Скорее всего.

Седоволосый обвел предыдущую запись жирной чертой. "46+12".

– А в Красноярске?

– От спецобъекта до взлетного поля его везли на машине в сопровождении двух сотрудников охраны. Все контакты установлены и находятся на обсервации в отдельных боксах военного госпиталя. Пока все трое: охранники и водитель, – здоровы.

– Значит, там все под контролем?

– Так точно.

– А здесь – все зависит от нас?

Седоволосый кивнул, сам отвечая на свой вопрос, и написал на листе – "Москва".

– Пусть самолет садится. Изолируйте его на самой дальней полосе. Установите карантин. Успокойте встречающих.

Седоволосый говорил и чертил на листе какие-то, одному ему понятные иероглифы: две палочки крест-накрест – самолет; параллельные горизонтальные прямые – взлетно-посадочная полоса; жирный крест и полумесяц – карантин.

– Естественно, подобный инцидент не может остаться без внимания прессы. Лучше опередить "четвертую власть". Приготовьтесь сбросить по нашим каналам какую-нибудь расплывчатую информацию, вроде "атипичной пневмонии".

– Слушаюсь. Разрешите идти? – референт боднул воздух.

– Идите.

Седоволосый еще раз осмотрел лист с записями, проверяя, не упустил ли он что-нибудь важное. Затем сунул лист в машинку для уничтожения бумаг. Острые ножи зажужжали, перемалывая бумагу в тонкую лапшу.

В этот момент дверь кабинета снова открылась, и на пороге возник референт.

– Товарищ генерал, плохие новости из Красноярска.

Седоволосый посмотрел на него, медленно положил притупившийся карандаш в стакан и достал другой.

– В чем дело? – на новом листе появились четыре восклицательных знака и следом за ними – жирный вопросительный. – Кто-то заболел?

– Никак нет. Пока все здоровы. Но коллеги передают, что Кудрявцев может иметь при себе табельное оружие.

– А поточнее?

– Он поднялся на борт без досмотра. Сначала предполагалось, что в полете его будет сопровождать наш сотрудник, но потом планы пришлось изменить. Решили, что в воздухе ничего произойти не может...

– Неужели трудно установить, получал человек табельное оружие или нет? – в голосе седоволосого послышалась угроза.

– Товарищ генерал... Спецобъект подвергся РАДИКАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ. Доступа к информации нет.

Седоволосый положил карандаш в стакан и отправил второй, почти чистый лист, в машинку. Ножи снова зажужжали.

– Готовьте группу захвата. А пока – попытайтесь вступить с ним в переговоры. Постарайтесь убедить его выйти.

– Что делать в случае оказания сопротивления?

Седоволосый ненадолго задумался.

– Насколько я понимаю, он входил в группу разработчиков вируса?

– Так точно.

– Он может быть полезен. Дайте ему это понять. С другой стороны... В случае реальной угрозы распространения инфекции его надо ликвидировать.

– Слушаюсь.

– Ну и, конечно, примите все меры предосторожности. Вирус не должен выйти из самолета.

* * *

Черноволосый мужчина был близок к иступлению. Из-за кресел стюардесса не могла разглядеть, что именно он делает; но, по всей видимости, он пытался открыть черный чемоданчик, лежавший у него на коленях. До нее доносились сдавленные выкрики и ругательства.

Внезапно мужчина поднял голову из-за спинки кресла и посмотрел на девушку. Ее поразили его глаза – остановившиеся и расширенные до предела; казалось, они вот-вот выскочат из орбит.

– Он был прав. Всегда может быть хуже, чем есть, – отчетливо сказал брюнет. – Надеюсь, еще не слишком поздно, – добавил он, вставая.

Лайнер, кренясь на правый борт, делал "коробочку" над домodedовским аэропортом. Никакой необходимости в этом не было; полет близился к успешному завершению; командир начал запланированное снижение за много километров до Москвы и точно попал на глиссаду, заходя на предписанную диспетчером взлетно-посадочную полосу, однако... Сейчас все шло совсем не так, как надо.

Самым простым объяснением, которое пришло в голову стюардессе, было то, что их полоса кем-то занята или неисправна, но ведь диспетчер мог бы предупредить заранее.

"Видимо, что-то случилось в самый последний момент. И видимо, это что-то произошло не по вине принимающего аэродрома".

Стюардесса посмотрела на мужчину. Тот вышел в проход и, не удержавшись на ногах, повалился на пол. Чемоданчик вырвался у него из рук и, хлопнув черной пастью с двумя блестящими зубами замков, выплюнул в салон содержимое своей утробы.

Мужчина вскрикнул и, встав на четвереньки, бросился догонять черную пластиковую коробочку, напоминавшую обыкновенный пейджер.

Стюардесса замерла от страха. Ноги внезапно отказались повиноваться; она сидела на откидном стульчике, вцепившись руками в соседнее кресло, и не могла подняться.

Пальцы под ногтями побелели от напряжения; девушка подумала, что в чемоданчике брюнета находится бомба, а странный черный предмет – не что иное, как дистанционный взрыватель.

Правда, эта мысль выглядела абсурдно. Наверняка странный пассажир прошел строгий досмотр в красноярском аэропорту. Едва ли он смог пронести на борт целый чемодан взрывчатки.

Да и вообще – террористы обычно сразу предъявляют свои требования; уж никак не во время посадки.

То, что вывалилось из чемоданчика, совсем не напоминало бомбу: одни только толстые папки с листами, густо усеянными цифрами и буквами.

Стюардесса перевела дыхание и вымученно улыбнулась. «Главное – не допустить паники!».

В салоне первого класса, помимо брюнета, было еще семь человек, но все они старательно делали вид, будто ничего не происходит. Или – происходит, но они этого не замечают.

Девушка и не ожидала иной реакции. На занятиях по психологии лектор постоянно говорил о так называемом синдроме «пассажира»: садясь в поезд, а уж тем более – в самолет, человек до известной степени утрачивает личностные качества и становится пассивным участником происходящего. Он позволяет другим заботиться о себе; перекладывает груз ответственности за принимаемые решения и собственную жизнь на плечи людей в форме – машинистов, пилотов и стюардесс.

Если бортпроводница, пусть и натянуто, но улыбается, значит, ей виднее. Значит, все в порядке. Более или менее. Просто кто-то встал с места и упал. Пустяки.

Черноволосый тем временем нырнул под пустые кресла, стоявшие по правому борту лайнера, и через несколько секунд вылез оттуда, прижимая коробочку к груди.

– Еще не поздно? А? Ведь еще не поздно?! – уговаривал он себя.

Руки ходили ходуном, словно мужчина был с тяжелого многодневного похмелья; стюардессе показалось, что сейчас предмет снова выскочит из его рук, но брюнет каким-то чудом совладал с дрожью, любовно ощупал черную коробочку и нажал на один из ее торцов.

Странный предмет тихо пискнул, и на его панели зажегся красный светодиод.

Мужчина облегченно вздохнул и торопливо засунул "пейджер" во внутренний карман пиджака, будто хотел спрятать его поближе к сердцу. Это его немного успокоило; черноволосый встал на колени и принялся собирать разбросанные по полу папки.

Самолет, завершив посадочный маневр, выровнял курс и опять стал снижаться.

Двигатели перешли на утробный гул. Раздался сильный, но мягкий толчок – боковые шасси коснулись бетона полосы. Нос машины стал постепенно опускаться, и последовал еще один толчок, уже не такой сильный; передние колеса опустились на землю.

Мужчина ухватился за подлокотник, приподнялся и выглянул в иллюминатор; за пластиковым стеклом мелькали серая змея бетонной дорожки и ослепительно-зеленая мокрая трава. Послышались два приглушенных, словно доносящихся через подушку, хлопка – турбореактивные двигатели тормозили бег многотонной машины.

– Куда это мы едем? – спросил брюнет стюардессу.

Девушка помотала головой. Ответа и не требовалось – самолет удалялся от здания аэропорта, направляясь в самый дальний конец взлетного поля.

– Но я же не болен! – вскричал брюнет и прижал руку к сердцу.

Стюардесса решила, что сейчас мужчина рухнет замертво, но он лишь нащупывал коробочку.

– Я не болен! – повторил он и быстро заморгал.

– Конечно, нет, – осторожно согласилась стюардесса, но по ее лицу было видно, что она абсолютно уверена в обратном.

Болен, и еще как болен. Что-то заклинило у него в голове, и шарики стали крутиться в обратную сторону.

Тем временем самолет останавливался. Он катился все медленнее и медленнее, затем развернулся налево и замер.

– Уважаемые пассажиры! – зазвучало в динамиках. – Наш самолет совершил посадку в аэропорту "Домодедово". Экипаж корабля просит всех оставаться на своих местах. Через несколько минут подъедет автобус, который доставит вас к терминалу.

Мужчина посмотрел в иллюминатор. Здание аэропорта казалось нереально далеким, стоящим на самом горизонте. Насколько он мог судить, никто не спешил их встречать. Ни автобус, ни трап, – никто.

Вдруг от серого здания "Домодедова" отделились две черные точки и стремительно понеслись к ним, увеличиваясь в размерах.

Черноволосый приставил руку козырьком ко лбу. К самолету спешили две черные "Волги". И он знал, зачем (точнее, за кем) они едут.

* * *

– Самолет приземлился в "Домодедово", – доложил референт. – Стоит на самой дальней полосе. Какие будут указания, товарищ генерал?

Седоволосый молчал, выбирая очередной карандаш. Референт не осмеливался нарушить молчание; он знал, что пока генерал не нарисует план действий на листе, он не скажет ни слова.

Седоволосый взял карандаш и стал быстро набрасывать довольно точный рисунок – самолет, неподвижно стоящий на земле. Затем он провел длинную стрелку от фюзеляжа влево и вниз и написал "46+12". Несколько раз обвел кружком и поставил жирную точку.

Грифель хрустнул и сломался. Генерал поморщился, переломил карандаш и, не вставая с кресла, выкинул обломки в корзину, стоявшую в паре метров от стола.

– Сорок шесть плюс двенадцать, – задумчиво сказал он. – Итого – пятьдесят восемь потенциальных носителей. Стоит ли их вообще выпускать наружу?

Референт молчал.

– Нам нужен только Кудрявцев, – продолжал генерал. – Что, вы сказали, он везет с собой?

– Усовершенствованный прибор ЧИП-66, техническую документацию и некоторые добавления о свойствах вируса, которые были получены совсем недавно.

– Стало быть, нам нужен только его багаж и, возможно, его мозги. Когда наши медицинские бригады смогут оказаться на месте?

– Минут через пятьдесят, – ответил референт и, увидев неодобрительный взгляд седоволосого, пояснил. – Столько потребуется, чтобы укомплектовать медицинские бригады всеми необходимыми средствами защиты.

– Какими именно?

– Специальными костюмами, медикаментами...

– А этот самый прибор? ЧИП-66? В докладной записке сказано, что эффективность его защиты составляет сто процентов?

– Да, так и есть, но... Пока мы располагаем только первой партией опытных образцов. Что-то около ста штук.

Седоволосый кивнул и вывел на листе – "100".

– Они нам понадобятся. Укомплектуйте ими всех сотрудников, задействованных в операции. Один принесите мне.

Референт проглотил слюну.

– И мне тоже взять?

Генерал смерил его взглядом.

– На ваше личное усмотрение. Говорят, что смертность при заражении вирусом не так уж и высока – каких-нибудь девяносто шесть процентов. Как только будете готовы, сразу выедем на место. Распорядитесь насчет машины.

– Слушаюсь! – референт помедлил. – Так что делать с самолетом?

– Ничего пока не делать. Блокировать. И вот еще что. Мне нужна прямая связь с бортом. Организуйте.

– Есть.

– Выполняйте, – генерал откинулся в кресле и стал заштриховывать набросок самолета: сначала левой рукой, потом – правой.

Наконец, когда он остался доволен результатом, седоволосый сунул лист в машинку. Острые ножи завращались, и через секунду нарисованный самолет пропал.

К сожалению, с реальным лайнером все было не так просто.

* * *

"Когда я успел заразиться? – думал Кудрявцев. – Во время последнего вскрытия? Исключено. Скафандр все время оставался целым. В переходном шлюзе он надулся, и я бы смог обнаружить утечку. Нет, дело не в скафандре".

Он стал вспоминать последние дни. Ильин подметил у вируса одну неприятную особенность. Подметил, но почему-то не спешил поделиться со своим ассистентом. Гордость! Этот маленький лысый человечек мечтал быть Богом среди своих дурацких вирусов и ни за что не хотел признавать, что он мог что-то пропустить. Чего-то не предусмотреть.

В конце августа Ильин написал большую докладную записку на имя начальника спецобъекта, Курмангалиева, с просьбой разрешить ему продолжить эксперименты.

Начальник был явно недоволен – он уже отрапортовал о завершении работы. Это подразумевало, что новое оружие было абсолютно эффективным, а у разработчиков есть надежное противоядие.

Однако в этом Кудрявцев сильно сомневался – что для бактериологического оружия вообще может существовать надежное противоядие. Вирус – это штука похлеще водородной бомбы, а применять его – все равно, что стучать по взрывателю молотком, надеясь при этом уцелеть.

И все-таки Курмангалиев разрешил продолжить эксперименты. Официальным обоснованием явилось усовершенствование прибора ЧИП-66.

Они три недели подряд возились с этими дьявольскими пробирками и каждый день резали поросят. Мертвые свиньи до того осточертели Кудрявцеву, что он стал заказывать в столовой исключительно рыбные блюда, а потом и вовсе перешел на растительную пищу.

Работали в авральном режиме, по четырнадцать часов; к концу смены Николай валился с ног от усталости и постоянного нервного напряжения, а Ильин еще умудрялся вести журнал исследований и делать какие-то записи относительно наиболее перспективных путей разработки. Когда он успевал писать, для Николая оставалось загадкой.

Сегодня утром он покинул спецобъект – кому-то надо было везти на "Радон" новый образец ЧИПа. Командировка – пустая формальность. Кудрявцев подозревал, что характеристики прибора не слишком изменились, но ему очень хотелось хоть ненадолго оказаться в Москве и повидать родителей.

"Прокатиться на метро, почувствовать эту суетливую толчею, запах пота и мокрой одежды, посмотреть на людские лица... Ей-Богу, я бы расплакался от умиления, если бы кто-нибудь отдал мне ногу в час пик!".

Но то, что происходило сейчас, наводило на мысль, что лучше бы он и вовсе лишился ног.

"Как это могло случиться? Как? Ведь у всякого следствия должна быть причина! Но я ее не заметил! Еще немного – и я поверю, что этот долбаный вирус может просачиваться сквозь стекло!".

Впрочем, вопрос, КАК он заразился, теперь уже не имел большого значения.

Приходилось принять это, как свершившийся факт – он действительно болен. "Все начинается, как обычный грипп... Те же симптомы, но только более выраженные, – так, кажется, говорил Ильин. – Но дальше... О-о-о, эта штука посерьезнее гриппа!".

Правда, оставалась вероятность, что действие прибора поможет ему справиться с вирусом. "Такой эксперимент мы не проводили", – мрачно подумал Кудрявцев.

На какое-то мгновение в сердце вспыхнула слабая надежда – она ведь такая живучая тварь! – что все это: и слабость, и головная боль, и ломота в суставах, – все это просто следствие самовнушения.

"У женщин, страстно желающих иметь детей, могут прекратиться месячные, и развиться так называемая ложная беременность. А у меня – почти то же самое, но только наоборот. Я боюсь заболеть, поэтому и придумываю себе несуществующие симптомы...".

Он снова посмотрел в иллюминатор. Две черные "Волги" были уже совсем близко, и даже если он убедил самого себя в том, что болен, то как быть с этими ребятами? Неужели они тоже поддались внушению?

"Нет, они откуда-то ЗНАЮТ, что я болен. Они в этом не сомневаются. Потому и загнали самолет на край взлетного поля. Потому и автобуса нет. Нас никто не собирается встречать. Значит..?".

Ответ напрашивался сам собой: значит, их отсюда не выпустят. Более того – попытаются сделать так, чтобы никто из пассажиров не попал в город. Во всяком случае, если бы ответственность за принимаемые решения лежала лично на нем, он бы так и поступил.

"Черт! Может, они не знают, что у меня – ЧИП? Ведь это в корне все меняет!".

Кудрявцев посмотрел на стюардессу, неподвижно сидевшую на откидном стульчике. Три белых пятна – лицо и колени. Больше он не видел ничего, никаких деталей.

– Иди к командиру корабля, скажи, что я хочу поговорить с людьми, которые подъехали на машинах, – он достал из внутреннего кармана удостоверение в красной кожаной обложке. – Видишь? Сотрудник... Кудрявцев Николай Владимирович. Поняла? Запомни! Мне ничего от вас не нужно, я просто хочу с ними поговорить.

Он убрал удостоверение обратно в карман и поправил галстук.

– Это мои коллеги, ясно?

– Угу... – девушка кивнула, но Николаю показалось, что она ему не поверила.

Он положил чемоданчик на сиденье и присел перед ней на корточки.

– Ну, пожалуйста. Я не опасен. Я же тебе не угрожаю...

Он сам не верил в то, что говорил; наверное, поэтому его слова звучали не столь убедительно. Он был ОЧЕНЬ опасен, и, если называть вещи своими именами, то эта несчастная девушка была уже обречена. В тот момент, когда он выдохнул на нее, ее личный таймер начал обратный отсчет последних часов жизни.

– Иди, милая, иди... – он ободряюще потрепал бортипроводницу по круглой белой коленке, думая в эту секунду совершенно о другом: насколько эффективен ЧИП-66 в первые часы ПОСЛЕ заражения?

"Он лежит рядом с сердцем. Сердце прокачивает весь объем крови, содержащейся в организме. Значит, сигнал постоянно действует на вирус...".

Слабое утешение. Если вирус (хотя бы один!) уже успел встроиться в клетку, то он будет реплицироваться в активной форме... Стало быть...

"А если еще не успел?".

Стюардесса встала и, покачиваясь, пошла к кабине пилотов.

– Передай – Кудрявцев Николай Владимирович. Запомни!

Он проводил взглядом девушку, исчезнувшую за шторкой, и снова прильнул к иллюминатору. Машины встали метрах в пятидесяти от самолета и застыли на краю бетонной полосы. Из них никто не выходил.

Дородный мужчина с багровым лицом беспокойно ерзал в кресле. Тучность его фигуры удивительным образом сочеталась с быстротой и резкостью движений.

Толстяк сидел ближе всех; он оглянулся, перегнулся через подлокотник и, понизив голос, спросил черноволосого:

– Послушайте, что здесь происходит?

Кудрявцев на мгновение оторвался от окошка.

– Операция спецслужб, – строго сказал он. И добавил, обращаясь ко всем, кто мог его слышать. – Наберитесь немного терпения. Сейчас это все закончится.

Ко всему, что имеет приставку «спец-», в России относятся с большим уважением. Толстяк понимающе закивал, больше никто не произнес ни слова.

Стал накрапывать мелкий дождик. Время от времени "дворники" автомобилей взмахивали, как по команде, очищая лобовые стекла.

"Две машины. Пока две машины. Они еще не готовы. Вряд ли кто-нибудь из них рискнет пойти со мной на физический контакт. Значит, они будут тянуть время. Это в их интересах. А что в моих интересах?".

Николай, не торопясь, обдумал все возможные варианты и нашел только один ответ. "Выбраться отсюда! Выжить!".

* * *

Седоволосый мужчина крутил в руках маленькую черную коробочку.

– Вот здесь, товарищ генерал, – референт показал на кнопку включения.

Седоволосый посмотрел на него так неодобрительно, что референт поспешно отдернул руку.

– Надеюсь, они ничего не напутали, и это нам поможет, – сказал генерал, включил прибор и положил его в нагрудный карман. – Какие новости?

– Медицинские бригады приближаются к "Домодедово". Люди на поле спрашивают, что им делать?

Генерал усмехнулся.

– Ничего. Ждать. Тянуть время.

Он и сам пока не слишком понимал, чего требует ситуация. В московском аэропорту стоит лайнер с пятьюдесятью восемью инфицированными на борту? Бред! И что прикажете с ними делать? Взрывать самолет и жечь трупы напалмом? Или погрузить людей в автобусы и развезти по больницам?

Конечно, лучше всего ничего не делать. Запечатать этот проклятый самолет и оставить все, как есть, на три дня. А там уже медики в спецснаряжении вынесут из салона холодные тела и подвергнут их обработке.

Но замалчивать три дня подряд подобный инцидент тоже невозможно. И почему все это случилось именно в Москве?

Седоволосый встал, подошел к шкафчику и достал оттуда легкий бежевый плащ. Он выглядел скромно, даже простенько; строгая линия, консервативный крой, но подкладка в разноцветную клетку и лейбл говорили о том, что вещь эта совсем не дешевая. Референту, например, такой плащ был не по карману.

– Где мы можем разместить пятьдесят восемь человек? – спросил седоволосый.

– Госпитали, инфекционные больницы... Места найдутся.

– Да, но их еще надо доставить туда. Надо предупредить медицинский персонал, обеспечить режим секретности и так далее.

Референт пожал плечами. У него не такие уж и большие звезды на погонах, чтобы принимать решения. Выполнять указания – еще куда ни шло.

Они спустились по лестнице на первый этаж и вышли во внутренний двор Лубянки. Там их поджидала черная "Волга", как две капли воды похожая на своих сестричек, стоявших на взлетной дорожке "Домодедова".

Референт открыл заднюю дверь; генерал удобно устроился на сиденье. Молодой человек сел впереди, ворота открылись, и машина, включив сирену, резко взяла с места.

Через несколько минут зазвонил радиотелефон. Референт снял трубку, покивал, затем, прикрыв мембрану ладонью, обратился к седоволосому:

– Товарищ генерал, Кудрявцев сам ищет контакта!

– Хм... – генерал почесал подбородок. – Когда мы сможем войти в самолет, не рискуя своими людьми?

– Минут через двадцать.

– Ладно. Переключайте на меня.

* * *

Николай стоял в проходе и ждал. Из машин по-прежнему никто не выходил. Дождик усилился, и взмахи стеклоочистителей стали чаще, но так и не потеряли синхронности.

Внезапно синяя шторка отодвинулась, и показалась стюардесса.

– Вы можете пройти в кабину пилотов?

– Конечно.

Кудрявцев попытался улыбнуться стюардессе, одернул пиджак и медленно пошел по проходу.

В кабине пилотов его встретили четыре пары напряженных глаз: командира корабля, второго пилота, бортинженера и радиста.

– Это из-за вас такая суматоха? – недружелюбно спросил командир.

Кудрявцев пожал плечами.

– Получается, так.

– Слушайте, у меня сорок шесть пассажиров на борту, и я несу за них ответственность. Я не хочу, чтобы из-за ваших шпионских игр с ними что-нибудь случилось.

– Это от меня не зависит, – развел руками Николай.

– А от кого? Почему нас не подпускают к терминалу? Что вообще происходит?

– Боюсь, я не могу вам все объяснить. Служебная тайна. И, кстати, вы не могли бы ненадолго выйти? Пусть останется кто-нибудь один, кто поможет мне разобраться во всех этих рычажках и кнопках.

Командир усмехнулся.

– А вы не теряетесь!

– Простите, – мягко сказал Николай.

Командир кивнул, и трое мужчин в белых рубашках покинули кабину.

– Ну, и что дальше?

– А дальше – соединяйте. Буду разговаривать.

Командир щелкнул тумблером, нажал какую-то кнопку (Кудрявцев лишний раз убедился, что без пилота он бы ни за что не разобрался) и, поднеся ларинг ко рту, сказал:

– Внимание! Земля, внимание! Переключаюсь на запасную служебную частоту! – еще пару щелчков тумблера, и снова вызов. – Говорит командир корабля. Всем, кто в этом заинтересован – рядом с мной находится Кудрявцев. Внимание, он готов выйти в эфир!

Поначалу никто не отвечал.

Николай стоял, чувствуя, как бешено бьется сердце. Он еще не успел до конца продумать предстоящий разговор, а сейчас удачные мысли и вовсе исчезли.

Наконец командир получил ответ. Он кивнул и протянул наушники Николаю.

– Вас к телефону! – несколько ехидно сказал он.

– Благодарю! – жеманно отозвался Николай и поднес крупный, обтянутый белой материей наушник к уху. – Кудрявцев на связи!

– Николай Владимирович? – учтиво осведомился мужской голос – очень приятного низкого тембра, но с явными металлическими нотками. – Как вы себя чувствуете?

– С кем я разговариваю?

– Генерал Карлов.

– А подробнее?

– Этого достаточно. Так как вы себя чувствуете?

– Прекрасно. Я абсолютно здоров, если вы это имеете в виду.

– Да, я именно это имею в виду. Видите ли, у нас есть все основания для беспокойства.

– Они беспочвенны. Я АБСОЛЮТНО здоров.

– Хорошо, если так. А остальные пассажиры? С кем из них вы контактировали?

– Послушайте, да что происходит? – Николай начал раздражаться. – Я же объясняю вам, что абсолютно здоров. У меня прибор. Он работает. Все в порядке.

Возникла пауза. Затем голос произнес.

– Вы ведь понимаете, что предосторожность никогда не бывает излишней. Особенно – в таком деле, как наше. Николай Владимирович!

– Да!

– Вы же – профессионал. Попробуйте поставить себя на мое место, и все поймете. Главное – не волнуйтесь. Сохраняйте спокойствие. Очень скоро мы подьем и во всем разберемся.

– Я хочу выйти, – сказал Кудрявцев.

– Пока не стоит, – мягко ответил Карлов. – Я не могу выпустить вас в город. Ни вас, ни кого другого.

– Ваши люди будут стрелять?

– Это ни к чему, правда? – подхватил генерал. – И зачем нервировать пассажиров? Не надо. Я очень рассчитываю на вашу помощь.

– Какую?

– Сядьте. Успокойтесь. Просто дождитесь, пока мы сами не разрешим создавшуюся ситуацию.

– Нет никакой ситуации. Я здоров. И я хочу выйти. Послушайте, – Николая внезапно осенило. – Свяжитесь с моим начальником.

– С кем? Говорите, я записываю.

– С моим начальником! Ильиным...

– Прошу вас, Николай Владимирович, не нервничайте. Успокойтесь. Как вы сказали? Ильин?

В этот момент Кудрявцев все понял. "Он знает, как меня зовут, и делает вид, что в первый раз слышит об Ильине... Этот Карлов просто тянет время. Он чего-то ждет...".

Николай посмотрел в боковой фонарь кабины. На взлетной полосе никого не было.

"Они не входят, потому что боятся заразиться. Но, как только они будут готовы...". Николай догадывался, что это означает.

– Послушайте, генерал. Давайте начистоту. Я хочу выйти. Я хочу жить. А вы меня уже списали. В чем дело?

– Николай Владимирович, позвольте, я свяжусь с Ильиным. Мне потребуется несколько минут... Может, чуть больше.

– Ильин изолирован, так? – спросил Николай.

– Не понимаю, о чем вы говорите?

– Все. Теперь мне все ясно.

Ему действительно стало все ясно. Головная боль прошла так резко, словно ее выключили. Все тело налилось силой и гибкостью. "Период черного пятна, после чего все приходит в норму. Правда, ненадолго", – почему-то подумалось ему.

– А знаете, генерал? Я угоню этот самолет!

Карлов устало усмехнулся.

– Николай Владимирович! Не делайте глупостей! Ситуация патовая! Вы не можете выйти, я не могу до вас добраться. Давайте пойдем навстречу друг другу. У самолета – пустые баки. Пока его заправят... Это долгая история. Вы же понимаете, что вы инфицированы. Ильина больше нет. Да и "Заслона" – тоже. Выброс... Я вас не выпущу. Поэтому успокойтесь и ничего не предпринимайте. Я гарантирую вам отдельную палату и любые лекарственные препараты, какие только скажете. Ну что, по рукам?

Николай молчал.

– Ну что? – повторил Карлов.

– Я не хочу... вот так, – сказал Кудрявцев.

– Но у нас же нет выбора... – начал было генерал и вдруг понял, что его никто не слушает. В трубке раздавалось только тихое потрескивание, потом и оно прекратилось.

Карлов протянул трубку референту и коротко бросил:

– Быстрее!

* * *

Черноволосый молодой человек отбросил наушники и мило улыбнулся командиру корабля.

– Никто не хочет решать мои проблемы... Ровным счетом никто, понимаете? Видимо, придется самому, – он расстегнул пиджак и еще до того, как командир успел сообразить, что к чему, выхватил пистолет.

Командир пробовал помешать; тогда молодой человек ударил его рукоятью по голове. Затем он быстро отступил назад и запер дверь, ведущую в кабину, на задвижку.

Командир упал в кресло; кровь из рассеченного лба закапала на белоснежную рубашку. Пилот выругался:

– Черт бы тебя побрал! Что ты делаешь? Что вообще происходит?

– Что происходит? – брюнет взвел курок. – Если вкратце – то нас уже нет. Мы еще ходим, дышим, шевелим губами, двигаем руками и ногами, но нас уже нет. Это понятно?

– Что значит "нет"? – недоумевал командир.

– "Летучий голландец". Слышали когда-нибудь об этом? Корабль, идущий в бурю и шторм под полными парусами. С неба льется лунный свет, завывает ветер... А на палубе – никого. Только призраки. Мы все – призраки.

– А-а-а, – протянул командир. Теперь, кажется, ему было понятно, в чем дело. Этот парень – сумасшедший. Только и всего. Сумасшедший с пистолетом в руке.

Командир намеревался украдкой включить связь, чтобы сидевшие за диспетчерским пультом слышали, что здесь творится, но мужчина перехватил его движение.

Он резко бросился вперед и вырвал провода наушников из гнезд.

– Не надо! Пока это – просьба, – он прижал обрез ствола к мокрому от пота лбу командира.

– Должен заметить, весьма вежливая, – стараясь не делать резких движений, сказал командир.

– Насколько это возможно в сложившихся обстоятельствах, – парировал мужчина. – А теперь – запускайте двигатели.

Командир поднял на него глаза.

– Пожалуйста, уберите оружие.

Мужчина отступил на шаг, но по-прежнему продолжал держать пилота на мушке.

– Спасибо, мне так спокойнее, – сказал командир. – А теперь – по порядку. Я могу запустить двигатели, но вам это ровным счетом ничего не даст. Керосина в баках – на пятнадцать минут, не более. Мы сможем только взлететь, но тут же упадем.

Брюнет рассмеялся.

– Я что, похож на самоубийцу? И даже если так, разве у меня нет другого способа? – он выразительно повертел пистолетом.

– Но тогда зачем...

– Эй, вы меня плохо слышите, да? – глаза у брюнета стали наливаясь кровью. Командиру показалось, что еще немного – и он потеряет контроль над собой.

В дверь стали стучать. Стук становился все сильнее и сильнее.

– Я сказал: "Запускайте двигатели!". Мне что, пристрелить кого-нибудь из ваших товарищей? Или – из пассажиров? Чтобы рассеять последние сомнения? Я сделаю это, – он потянулся к задвижке.

– Ладно, ладно. Не надо, – командир активировал систему старта.

Пульт перед ним зажегся разноцветными огоньками. Стрелка топливомера едва качнулась вправо и застыла около отметки "0".

– Видите, керосина нет.

– Тогда чего же вы тянете?

Командир пожал плечами и щелкнул тумблерами. Фюзеляж лайнера охватила мелкая дрожь, передававшаяся через пол. Откуда-то сзади послышался посвист турбин.

– Пока двигатели выйдут на рабочий режим...

– Командор, я ведь уже говорил: мы никуда не летим. Я просто хочу, чтобы эти машины отъехали. Вы двинете самолет с места, "Волги" разбегутся, я спрыгну в грузовой люк и перелезу через забор. Все останутся целы и довольны. Ну?

– Я не могу это сделать, – покачал головой пилот.

– Конечно, можете. Просто немного испугать. Пусть отъедут. Я хочу выбраться отсюда, понимаете? Ну? – пистолет снова прижался к голове летчика.

– Хорошо, хорошо...

– Просто отгоните их, и все. Больше ничего не нужно. А я спрыгну, они меня и не заметят.

– Ладно, ладно, я все понял, – командир развернулся в кресле, ногой отжал педаль тормоза, перевел управление шасси на маленький ручной штурвал и передвинул рычаги газа немного вперед.

Лайнер медленно тронулся с места. Он катился прямо на две черные "Волги", стоявшие метрах в пятидесяти от самолета.

– И все? – сказал брюнет. – Это так просто? Только и всего?

– Ну, в общем... – пилот не договорил.

В тесноте кабины выстрел прозвучал особенно громко. Кровь брызнула на стекло.

Брюнет подхватил тело пилота и вытащил его из кресла. Он сел за штурвал и еще прибавил обороты двигателей.

– Я вам не поросенок! Ясно? Генерал Карлов? И не вам решать, кому жить, а кому – подышать!

Он закашлялся, и алые прожилки вылетели изо рта на панель приборов, но Кудрявцев сделал вид, что не заметил этого. Иначе – все теряло смысл. Он продолжал надеяться, что прибор сделает свое дело. Обязательно сделает.

Самолет катился по взлетно-посадочной полосе, набирая ход.

Николай видел, как из "Волги" выскочил человек в костюме и замахал руками над головой. Это зрелище показалось ему забавным.

Человек махал еще несколько секунд, затем запрыгнул обратно в "Волгу", и обе машины, резко развернувшись почти на месте, помчались прочь.

Но Кудрявцев не стал их преследовать. Он докатился до ближайшего перекрестка (это было пьянящее чувство: управлять столь мощной и при этом – послушной – машиной) и повернул направо.

Теперь лайнер направлялся напрямиком в здание аэропорта.

* * *

Черная "Волга" мчалась по мокрому пустынному шоссе, связывавшему Москву с аэропортом "Домодедово". Референту порой казалось, что колеса вот-вот потеряют сцепление с асфальтом, и машина улетит в кювет. Но мрачный и молчаливый водитель каждый раз еле заметно двигал рулем и "отлавливал" автомобиль на самой грани катастрофы. Весь его вид говорил: "Парень, занимайся своим делом. А на трассу лучше не смотри – если не хочешь забрызгать своим завтраком переднюю панель и лобовое стекло".

Зазвонил радиотелефон.

– Да? – референт вслушивался в сбивчивые объяснения, потом передал трубку генералу.

– Карлов! – сказал седоволосый.

– Товарищ генерал! – раздалось в трубке. – Ситуация выходит из-под контроля. Самолет тронулся и едет по полосе.

– Куда? – спросил генерал.

Референт изумленно поднял брови. Этот вопрос: "Куда?" казался ему наименее умным из всех возможных. Что значит "куда?". Для чего самолеты катаются по взлетно-посадочным полосам? Чтобы взлететь, естественно.

В следующее мгновение он вспомнил, что в баках лайнера почти совсем нет керосина. Стало быть... Взлететь он никак не мог, хотя это, наверное, было бы не так уж и плохо – если бы самолет взлетел и упал где-нибудь за городом. Конечно, звучало цинично, но... Так было бы лучше. Для всех.

– Ах, вот оно что... – сказал Карлов и замолчал.

Референт, не в силах сдержать удивления, развернулся на переднем сиденье и посмотрел на шефа.

– Он собрался улетать?

– Хуже, – сказал генерал. – Он ЕДЕТ.

– Куда? – референт и не заметил, как повторил идиотский, как ему казалось, вопрос, прозвучавший всего несколько секунд назад.

– В город.

* * *

В зале ожидания и выдачи багажа толпились пассажиры, прилетевшие рейсом из Читы.

Всех их можно было разделить на две приблизительно равные группы. Первые стояли с мрачными лицами. Это выражение должно было означать: "И какого черта я приперся(-лась) в эту проклятую Москву? Да еще таким ранним и дождливым утром? Неужели всего этого нет в Чите?".

Вторые улыбались сквозь сдержанную зевоту. Им не терпелось поскорее получить свои вещи и загрузиться в один из красных "Икарусов", который доставил бы их до аэровокзала.

Но этим радужным надеждам не суждено было сбыться.

Женщина в черных вязаных лосинах и густом золотистом парике пыталась справиться с заевшей застежкой-молнией на поясной сумочке, укромно спрятанной под нависающим животом. Она втягивала в себя воздух, пытаясь рассмотреть причину поломки, случившейся так некстати. Живот становился ненамного меньше, но невероятных размеров арбузные груди никуда не девались. У нее оставалось только два выхода: снять сумку или искать зеркало.

Снять сумку без посторонней помощи она не могла, потому что, опасаясь ловких воришек, еще дома распустила ремень до отказа и завязала его мертвым узлом на спине. Итого – оставалось только зеркало.

С этим тоже было нелегко. В зале выдачи багажа не было ни одного зеркала.

Тогда она подошла к огромному, во всю стену, окну, выходящему на взлетное поле. В зале еще горел электрический свет, а на улице стояло раннее серое утро; на внутренней стороне стекла хоть и слабо, но было видно ее отражение.

Она подошла вплотную к стеклу, выдохнула и обеими руками подперла груди. Среди складок свитера показалась черная продолговатая сумочка из дешевого кожаменителя.

Женщина обрадованно улынулась, схватила за сломанный замочек и стала за него дергать.

Внезапно что-то заставило ее насторожиться и прервать свое занятие. Какая-то большая темная тень наплывала на здание со стороны взлетного поля.

Она подняла глаза и увидела лайнер с погашенными огнями, катившийся прямо на нее.

Женщина открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Воздух шершавым столбом застыл в гортани. Ее глаза расширились от ужаса; она стиснула себя обеими руками, комкая необъятную грудь.

В следующее мгновение освобожденный воздух ринулся наружу, сотрясая голосовые связки; высокий визгливый крик ударил по барабанным перепонкам прочих жителей Читы, которых нелегкая занесла в столицу.

Все разом обернулись и увидели картину, достойную голливудского блокбастера; тупой нос авиалайнера, сокрушающий огромное, в дюралевых переплетах, окно.

Раздался ужасный скрежет и лязг, люди с криками бросились врассыпную. На пол брызнули осколки выбитого стекла. Морда самолета просунулась в проделанную дыру метров на шесть и затем резко остановилась; видимо, переднее шасси уперлось в стену здания.

В суматохе никто не обратил внимания на то, как дверь самолета открылась, и оттуда выпал черный чемоданчик, а следом за ним, повиснув на нижнем обрезе проема, спрыгнул высокий черноволосый мужчина в строгом костюме.

Он подобрал чемоданчик, быстро огляделся и смешался с толпой.

Мужчина выглядел возбужденным и чем-то сильно напуганным, но в тот момент это ни у кого не вызвало удивления. Все были возбуждены и напуганы.

Однако, несмотря на панику, царившую в зале ожидания и выдачи багажа, мужчина мыслил ясно и расчетливо.

Он запнулся о рулон липкой ленты, валявшийся на полу, и чуть не упал. Мужчина отбросил скотч носком ботинка, затем остановился, словно задумавшись о чем-то, нашел моток и сунул его под мышку. Сначала он бежал вместе со всеми по коридору, потом незаметно свернул влево и стал спускаться в подвальный туалет.

На него все равно никто не обращал внимания.

* * *

Через двенадцать минут он вышел из туалета на первый этаж, но теперь его было не узнать.

Первая волна паники схлынула, и коридор, ведущий в грузовой терминал, перекрыла охрана аэропорта.

Мужчина поднялся и посмотрел на оцепление.

На нем были мешковатые штаны со множеством карманов, такой же мешковатый, но стильный свитер, связанный по крайней мере из пары сотен разноцветных шерстяных нитей, и вязаная шапка, напоминавшая клоунский колпак. Черного чемоданчика больше не было; за спиной болтался полупустой рюкзак; под мышкой мужчина держал доску для сноуборда.

Он вышел на площадь перед зданием аэропорта и подошел к первому же попавшемуся такси с багажником на крыше.

– Шеф, в Москву!

– Сколько?

– А сколько надо?

Таксист, невысокий пузатый человечек в засаленной кожаной кепке, окинул сноубордиста оценивающим взглядом.

– Четыреста?

– Поехали.

– Кидай свою бандуру на заднее сиденье, – сказал таксист. – Влезет.

Человек в цветастом свитере покачал головой.

– Не-е-е... Давай лучше на крышу.

Таксист пожал плечами.

– Как скажешь...

Он достал из "бардачка" две полосатые резинки с крючками на концах и закрепил доску на багажнике. Сноубордист потрогал ее, проверяя надежность крепления, и сел на заднее сиденье.

– Поехали.

* * *

Еще через шесть минут все выезды из аэропорта были надежно запечатаны. Но желтое такси с доской на крыше успело миновать посты.

Таксист прислушивался к шелесту бумаг у себя за спиной. В рюкзаке у парня лежали какие-то толстые папки, которые он постоянно перелистывал.

Это казалось странным: зачем сноубордисту брать с собой на отдых ворох всяких скучных документов? Он не нашел подходящего объяснения и уже через минуту забыл об этом.

Сноубордист проехал не так уж много. На середине пути от аэропорта до МКАДа он похлопал таксиста по плечу.

– Знаешь, я передумал. Мне нужно в Каширу.

Таксист насторожился.

– Парень, мы договаривались до Москвы... – сказал он и увидел перед носом четыре сотенные бумажки.

– Давай так. Ты довезешь меня до Каширского шоссе и там где-нибудь высадишь. А дальше я уж как-нибудь сам.

Таксист взял протянутые деньги, ожидая подвоха. Но деньги выглядели, как обычные деньги, и он, ощупав все четыре купюры, сунул их во внутренний карман куртки. В конце концов, клиент платит. И даже бытует такое поверье, что он всегда прав.

Что можно взять с парня, который носит на голове черт знает что? К тому же он наверняка – педик.

– Дело хозяйское, – процедил таксист, склонив голову к плечу.

Через пару километров они увидели въезд на мост, пересекающий трассу под прямым углом. Таксист включил правый поворотник и стал въезжать на мост.

* * *

Генерал Карлов сидел в кабинете начальника "Домодедово", за хозяйским столом.

Он сидел в глубоком кожаном кресле и все время чувствовал, что ему чего-то не хватает.

Карлов поднял глаза на начальника – высокого худого мужчину в темно-синем кителе.

– Вы позволите? – спросил он, показывая на принтер.

– Да, конечно.

Карлов натянуто улыбнулся, встал и взял из толстой пачки, заправленной в принтер, несколько листов бумаги. Он поискал стакан с карандашами на привычном месте и не нашел его. Тогда он еле заметно вздохнул и достал из внутреннего кармана пиджака шариковую ручку.

– Я вам больше не нужен? – с надеждой спросил начальник.

– Нет, не уходите, пожалуйста. Я должен вам кое-что объяснить. Пожара ведь не случилось? Если не считать синяков и шишек, никто не пострадал, так что... Там без вас разберутся. Главная проблема заключается в другом.

Карлов замолчал, давая собеседнику понять, что сейчас он сообщит нечто очень важное. Генерал любезно протянул руку, приглашая начальника присесть напротив.

Тот судорожно дернул кадыком и устроился на самом краешке жесткого стула для посетителей.

– Так вот, – продолжил седоволосый, рисуя загадочную, никому не понятную, но все же – довольно красивую картинку. – То, что я скажу, не должно выйти за стены кабинета. С этого момента вы будете выполнять только мои указания. Понятно? Никакой самостоятельности!

Генерал внезапно поднял глаза от бумаги и уткнулся взглядом в переносицу аэродромного сновника. Тот, почувствовав себя неловко, заерзал на стуле.

Карлов смотрел на него несколько секунд, затем вернулся к рисунку.

– На ближайшие несколько дней аэропорт придется изолировать. Все рейсы – отменить. Мы подозреваем возможность заражения пассажиров необычайно опасным вирусом, – генерал выразительно взглянул на референта, словно искал подтверждения своим словам.

– Так точно, – поспешно согласился тот.

– А? – начальник аэропорта недоуменно развел руками. – Как же люди? Питание? Медицименты? Где мне их разместить?

Генерал пожал плечами.

– Где получится. Запомните главное. Я считаю каждого, кто находится на территории аэропорта... – он выдержал зловещую паузу. – В том числе – и вас... потенциально инфицированным, стало быть – представляющим реальную угрозу для Москвы. Любые попытки покинуть аэропорт будут пресекаться с максимальной степенью жесткости. Надеюсь, мне не надо расшифровывать, что это означает?

Высокий худой мужчина в темно-синем кителе испуганно помотал головой.

– Я... понимаю.

– Хорошо. Поверьте, мне самому очень жаль, что приходится идти на крайние меры, но... К сожалению, другого выхода нет.

– Да... Я понимаю, – повторил начальник.

– Вот и прекрасно, – генерал взял рисунок в руки, несколько секунд любовался им, а потом – начал рвать на узкие полоски.

В наступившей тишине были хорошо слышны звук разрываемой бумаги и учатившееся дыхание начальника аэропорта.

Внезапно раздался резкий телефонный звонок. Хозяин кабинета протянул руку к трубке, но в последний момент замер, вопросительно посмотрев на Карлова. Тот кивнул.

– Да? Я слушаю. Где нашли? В мужском туалете?

Генерал насторожился.

– Что там?

Начальник обескураженно помотал головой.

– Случай мародерства. В подвальном мужском туалете нашли связанного скотчем парня... Рот заклеен. Говорит, что его ограбил и... раздел какой-то мужчина. Угрожал пистолетом...

Карлов моментально встал из-за стола.

– Где это? Покажите! Скорее, скорее!

* * *

Через пять минут, выслушав сбивчивый рассказ незадачливого сноубордиста, генерал в сопровождении референта стремительно шел по направлению к своей машине. Следом за ними спешил начальник аэропорта. Несмотря на то, что он был почти на голову выше Карлова, начальник едва поспевал за ним.

– Пижон! – ругался седоволосый. – Начитался дешевых детективных романов. "Если хочешь спрятаться на темной улице, встань прямо под фонарем", – передразнил он кого-то. – Идиотская маскировка! Он, наверное, думает, что разряженного, как обезьяну, с доской под мышкой, его никто не будет останавливать. Потому, что слишком заметен. Пижон!

Карлов замедлил шаг и коснулся плеча референта.

– Как только сядем в машину, дай на него ориентировку, – добавил он уже более миролюбиво. По-деловому.

Трое мужчин, не замечая творившейся вокруг суеты, вышли на улицу. Референт открыл перед Карловым дверь машины.

– Постойте... Товарищ генерал... – робко подал голос начальник аэропорта.

– Да? – седоволосый поставил ногу на порог двери и обернулся.

– А вы?

– Что "мы"?

– Вы хотите уехать? В Москву? Значит, вы не инфицированы? – казалось, начальник сам испугался собственной смелости.

Карлов, сощурившись, посмотрел на низкое серое небо. На его породистом лице была написана скука.

Затем он быстро опустил глаза и уткнул острый, как осиновый кол, взгляд в начальника.

– А мы не боеем. Никогда. Не имеем права.

Генерал сел в машину. Восьмицилиндровый "чайковский" двигатель утробно взревел. Референт закрыл заднюю дверцу и запрыгнул на переднее сиденье.

Через пару мгновений черная "Волга", как призрак, растаяла в дождливой утренней дымке.

* * *

Еще через двадцать две минуты рейсовый автобус, пройдя формальную проверку на посту ГИБДД у пересечения МКАД и Каширского шоссе, въехал в город.

Милицейский сержант искал молодого парня в разноцветном свитере и вязаной шапке, напоминавшей клоунский колпак. Никого похожего на описание в автобусе не оказалось, и

он на всякий случай прихватил с собой пожилого кавказца, у которого под кожаной курткой оказалась старая кофта "спартаковской" расцветки.

Молодой черноволосый мужчина в несколько помятом пиджаке сдержанно покашливал, то и дело поднося к губам носовой платок.

Сноуборд и разноцветные тряпки валялись в придорожном лесочке, наскоро заброшенные намоченными прошлогодними листьями и ветками.

* * *

За всю дорогу от "Домодедова" до Лубянки генерал Карлов не проронил ни слова. Референт без устали отвечал на звонки; временами он оборачивался и вопросительно смотрел на шефа, но тот лишь махал рукой, словно его это не касалось. Он уже понял, что первоочередные меры не принесут никакого внятного результата.

Седоволосый поднялся – все так же, по лестнице, пренебрегая лифтом – к себе в кабинет и сел за стол. Придвинул стопку бумаги и достал из стакана остро заточенный карандаш.

Через пару минут на листе появился новый рисунок: фотография девять на двенадцать, и на ней – контур мужского лица. Никаких деталей – один только контур. Затем Карлов посмотрел на референта.

– Мы упустили его... Ты это понимаешь?

Молодой человек виновато кивнул.

– Мне нужно знать о нем ВСЕ. Принеси мне все, что только сможешь найти. И заодно прихвати кофеварку – она нам потребуется.

Референт развернулся на каблучках и вышел.

Генерал сплел пальцы, вывернул кисти ладонями наружу и хрустнул суставами. Потом он протянул руку к телефону без диска и снял трубку.

– Докладывает Карлов. Кудрявцев в Москве. Нам не удалось изолировать его в аэропорту. Да. Так точно. Вероятность очень высока. Я уже пишу подробный рапорт. К девяти ноль-ноль. Слушаюсь.

После этого короткого разговора он повесил трубку.

Комплекс превентивных мер, принятых в условиях нехватки времени, не увенчался успехом. Где-то по мегаполису разгуливал человек, инфицированный смертельно опасным вирусом, и оставалось только гадать, скольких людей он успеет заразить до того, как умрет. Или – до того, как его уничтожат.

Генерала ничто не сдерживало – беглец уже переступил грань, застрелив пилота. Надеяться на благополучное разрешение ситуации больше не приходилось.

Перед Карловым стояла одна, но вполне конкретная задача – спрятать в воду все концы. Не допустить разглашения правдивой информации о вирусе.

Самой эпидемией занимались теперь другие отделы.

* * *

Около семи часов вечера во вторую инфекционную больницу поступил странный пациент. Основная странность заключалась в том, что он пришел сам, кутаясь в какой-то дурацкий шарф.

У черноволосого мужчины не было при себе ничего: ни вещей, ни документов. Он жаловался на высокую температуру и сильную головную боль.

Осматривавший его в боксе приемного покоя Андрей Дмитриевич Гарин обратил внимание на то, что вся одежда мужчины выглядела совершенно новой, только что купленной на дешевом вещевом рынке.

Складывалось впечатление, что пациент не слишком-то утруждал себя долгим выбором и взял первое, что подвернулось под руку: джинсы, свитер, кроссовки, да этот аляповатый мохеровый шарф, на котором все еще красовалась фабричная бирка.

Гарин машинально надел маску и перчатки. Он даже представить себе не мог, что это спасет ему жизнь.

Гарин осмотрел мужчину, назвавшегося Алексеем Викторовичем Ремизовым, и не смог придти ни к какому определенному выводу. Он назначил необходимые анализы и записал назначения в историю болезни.

Клинические симптомы указывали на грипп, но Гарин почему-то сомневался. Он и сам не знал, почему.

На всякий случай он попросил заведующего отделением, Владимира Николаевича Островского, проконсультировать неясный случай.

Островский, четыре года назад похоронивший жену и живший одиноко, частенько допоздна засиживался на работе. Из одушевленных существ в его маленькой квартирке на улице Габричевского, неподалеку от больницы, был только телевизор, к которому старик не питал особой симпатии. На работе – другое дело: врачи, медсестры, больные и целый аквариум рыбок в кабинете заведующего. Рыбок Островский любил, но ухаживать за ними не умел, поэтому регулярно начинал день с того, что вылавливал сдохших (он говорил – "утонувших") и запускал новых, купленных в зоомагазине.

Островский покряхтел – для приличия – но согласился проконсультировать странного пациента. Ему все равно было некуда торопиться. Врач, который должен был дежурить в ночь с двадцатого на двадцать первое, неожиданно заболел. Можно было бы найти кого-то другого, но Островский сам вызвался подменить коллегу, хотя заведующему по статусу дежурств не полагалось.

* * *

На Москву опускались вечерние сумерки. В кабинете генерала Карлова горел яркий свет. Сам генерал сидел за столом, обложившись исписанными и разрисованными листами. Со стороны могло показаться, что они разбросаны как попало, безо всякого порядка, но Карлов, не теряя ни секунды, безошибочно находил именно то, что ему требовалось в данный момент.

Время от времени он вытаскивал какой-нибудь лист и отправлял его в машинку для уничтожения документов. Пластиковая мусорная корзина была уже доверху полна обрезками бумаги.

Генерал что-то переписывал и подытоживал, черкал и правил, постепенно вычлняя самое главное.

За соседним столом сидел референт и занимался тем же самым, но только он использовал не бумагу и карандаш, а компьютер. Все компьютеры в здании Московского управления связывались в одну локальную сеть и имели интересную особенность: в них не было ни флоппи-дисков, ни CD-ROMа – во избежание утечки информации.

Казалось бы, Кудрявцева обложили со всех сторон: за квартирой его родителей внимательно наблюдали, телефоны прослушивались, по больницам разослали ориентировки, установили всех возможных знакомых, мужского и женского пола, к которым беглец мог бы обратиться за помощью, но... Ровным счетом ничего. Никаких вестей.

Работа продолжалась.

* * *

Последним происшествием этого трудного и напряженного дня явилось то, что Алена Муратова, интерн на кафедре инфекционных болезней, заглянула в календарик и к ужасу своему поняла, что она, кажется, залетела.

* * *

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ. ОХОТА.

– Здесь нельзя курить, – вежливо сказал молодой человек в темно-сером костюме.

Подобные молодые люди, похожие, как братья-близнецы, стояли у всех входов и выходов конференц-зала Института биорганической химии имени Шемякина.

В самом зале вовсю кипела работа. На огромный белый экран позади столов президиума проецировались различные схемы и диаграммы. В удобных креслах, обитых мягкой темно-синей тканью, расположилось полтора десятка человек. Несмотря на то, что все они были из разных учреждений и даже – городов, им приходилось довольно часто встречаться друг с другом – на различных научных мероприятиях.

– Ну и что? – с вызовом сказал высокий худой мужчина с рыжей клочковатой бородой. – Я хочу курить! И буду! – бородач достал из кармана грязных джинсов зажигалку "Зиппо" и щелкнул крышкой.

Молодой человек в костюме бросил быстрый взгляд на мужчину, стоявшего перед залом. Он был здесь кем-то вроде распорядителя.

Мужчина едва заметно кивнул.

Охранник принял позу футболиста перед штрафным ударом и демонстративно устремил взгляд в пустоту.

Рыжий скандалист с наслаждением выпустил густой клуб табачного дыма, обдав охранника.

– А если я захочу в сортир, то отолюю прямо на твои ботинки, – процедил он и отвернулся.

Распорядитель этого странного мероприятия, начавшегося почти в полночь и продолжавшегося уже полтора часа, взял лист бумаги и ловко скрутил из него кулек. Он подошел к бородачу и с улыбкой протянул ему кулек.

– Игорь Константинович, это вам вместо пепельницы. Постарайтесь не мусорить, – распорядитель был тонким психологом; он знал, как разрядить напряженную обстановку.

– Вы хоть чистый лист взяли? Без секретной информации? А то потом заставите меня его съесть, – сказал бородач, но уже беззлобно.

– Не волнуйтесь. Я дам вам воды – чтобы запить, – ровным голосом ответил распорядитель, возвращаясь к столу.

Присутствующие нестройно рассмеялись. Распорядитель выдержал паузу, потом поднял руку. Смех оборвался.

– Так вот. С вашего позволения, я вернусь к сложившейся ситуации. Не спорю, она выглядит несколько неожиданно. Но, к сожалению, я ничего не могу прибавить к уже сказанному. Не потому, что не хочу... Просто сам не знаю, – мужчина обезоруживающе развел руками.

– А кто же знает? – спросил бородач. В этом зале он был главным возмутителем спокойствия. Впрочем, он задавал вопросы, которые интересовали всех без исключения приглашенных.

– Увы. Это не в моей компетенции.

Но бородач почти не слушал его.

– Вы собрали нас среди ночи. Меня – так вообще посадили в самолет и из Питера доставили сюда. Можно сказать, выдернули из постели. А я, между прочим, был с девушкой...

Кругленький смешливый человечек во втором ряду нагнулся к соседу:

– Он имеет в виду свою правую руку... – и, не дожидаясь реакции собеседника, тоненько захихикал.

– И я не уверен, что она будет меня ждать, – продолжал рыжий.

– Простите, – сказал распорядитель. – В следующий раз мы ее тоже пригласим.

Бородач махнул на него рукой.

– Только этого не хватало. Лучше выпишите кого-нибудь из местных. Говорят, москвички тоже неплохо трахаются. И даже...

– Господин Кашинцев, – перебил распорядитель. – Вы не могли бы поточнее сформулировать суть ваших претензий?

– Да вы просто морочите нам голову. Найди то, не знаю что. Раздали какие-то папки... Про какой-то вирус... Все как-то неконкретно, в общих чертах. Мы что, играем мизер в темную? Знаете, чем это грозит? Огребем все десять взяток, – распалился Кашинцев.

– Вы полагаете, что полученной информации недостаточно для анализа? – спросил распорядитель, взял блокнот и что-то в нем записал.

– Конечно, нет.

Бородач поискал, обо что бы ему затушить сигарету. Он обернулся и посмотрел на охранника; тот пугливо скосил глаза на лацкан пиджака.

Но рыжий был великодушен. Он нагнулся и стал плевать на бычок. С третьего раза ему удалось попасть на уголек; окурок зашипел, и он бросил его в кулек, а кулек – на пол.

– И диаграммы ваши – липовые, – говорил он, подходя к экрану. – В бумагах вы пишете, что инкубационный период может составлять от трех до семидесяти двух часов. Ничего себе разбросик, а? Откуда взяты эти данные? Составлены по результатам конкретных наблюдений? Где? Когда? Я, например, не припомню, чтобы где-нибудь объявился подобный вирус! Может, я что-то пропустил? – обратился он к сидящим в зале.

Ответа не последовало. Присутствующие знали, что Игоря Константиновича Кашинцева приглашали на все симпозиумы и конференции, посвященные вирусологии и микробиологии. Он был записным "анфан терриблем", но ему прощали любые выходки; мало кто обладал такой безграничной эрудицией – с одной стороны, а с другой – никто так хорошо не разбирался в узком вопросе, на котором он специализировался – инфекции, передающиеся воздушно-капельным путем.

– Ну так вот, – получив молчаливое согласие зала, Кашинцев еще больше ободрился. – Что мы имеем? Вирус, возникший ниоткуда! Ну хорошо. Допустим, у него обалденно высокая вирулентность при традиционном пути заражения. Я, кстати, уверен в этом, – подчеркнул он. – А контагиозность? Я имею в виду, если потрогать пальцами мокроту, выделенную носителем, заражусь я или нет?

– Э-э-э, – распорядитель пожал плечами.

– А если на пальце будет ранка? Или, к примеру, мокрота попадет мне в глаз? А слизистые?

– Смотри, смотри, – лысый весельчак пихнул соседа в бок. – Сейчас...

– Как насчет полового пути? При оральном сексе с носительницей?

– У кого что болит, – отозвался сосед, пряча улыбку.

– Может, я, конечно, утрирую, – говорил Кашинцев. – Но, поймите, заболеваемость – это мультифакторная зависимость. В деревне она будет одной, а в мегаполисе – совсем другой. Не забывайте про метро. Там десять миллионов человек ежедневно обкашливают друг друга. Многое зависит от того, какой день недели – выходной или будни.

– Каким образом? – спросил распорядитель.

Кашинцев, казалось, только того и ждал.

– А поликлиники? В будни там полно народу. Заболевшие попрутся на прием к участковому врачу и обчихают здоровых... Ну, или почти здоровых. Женщин, там, с внематочной беременностью или мужчин с камнями в мочевом пузыре. Предприятия общепита, кинотеатры, вокзалы, аэропорты... – он продолжал перечислять, и сидевшие в зале кивали. Кашинцев, хоть его и заносило время от времени не туда, говорил по существу.

– А вы чертите какую-то дурацкую линию, которая может означать все, что угодно – вплоть до кривой концентрации сперматозоидов в зависимости от количества зубов.

Распорядитель без устали делал пометки в блокноте; видимо, он недооценил сложность поставленной задачи. Он и те, кто перед ним эту задачу поставил.

Кашинцев рубанул воздух ребром ладони.

– Короче! Я предлагаю прекратить играть в прятки! Мы тут все уже люди взрослые и кое-что в своей жизни видели, включая детское порно.

– Говорите только за себя, коллега! – выкрикнул кто-то из зала.

– А вам уже и не надо, Кирилл Александрович! – отмахнулся Кашинцев. – Хватит водить за нос. Нам всем хорошо понятно, что этот вирус создан искусственно. Проще говоря – это одно из ваших "изделий". Хотите реальной помощи – раскрывайте карты!

– Что именно вас интересует? – холодно спросил распорядитель.

– Прежде всего – на кого конкретно ориентирован этот вирус? Кого он в первую очередь поражает? Стариков, детей, мужчин, женщин или реальных телок?

– В первую очередь он поражает, – распорядитель старался тщательно подбирать слова, – жителей мегаполисов. Социально успешных, наиболее дееспособных, среднего возраста, без различия пола...

– Ого! – воскликнул Кашинцев. – Интересно было бы узнать, как удалось добиться такой избирательности? Может, вы еще скажете, что в первую очередь он действует на тех, чья фамилия начинается с буквы "А", потом – с буквы "Б" и так далее?

Распорядитель ненадолго задумался.

– Я предлагаю сделать небольшой перерыв, – сказал он. – Сейчас принесут бутерброды, чай, кофе и сок.

Он закрыл блокнот и направился к выходу.

– А мне – пива! – закричал ему вслед Кашинцев. – И пару девчонок. Но только – уже бухих, чтобы не переводить на них продукты!

Охранник, стоявший в дверях, увидел, как лицо распорядителя перекошило от злости.

– Где здесь закрытая линия? – спросил он. – Мне надо позвонить.

– На восьмом этаже, в кабинете директора, – тихо, почти не разжимая губ, ответил охранник. Он испытывал по отношению к Кашинцеву те же самые чувства, что и распорядитель.

Будь его воля, он бы давно уже разбил ему голову. Или – сломал руку. Чтобы вел себя, как положено.

Но... Относительно Кашинцева их строго-настрого предупредили: "Если кто и сможет хоть что-нибудь сделать, так только он".

И с этим приходилось мириться.

* * *

Охранники внесли подносы с нарезанными бутербродами, большие термосы с кипятком, пакеты сока, бутылки газированной воды, кофе, чай, сахар, пластиковые стаканчики и поставили все это на столы президиума.

Ученые оживленно загалдели – частые симпозиумы вырабатывают привычку к фуршетам. Для них было не в диковинку питаться стоя.

Один только Кашинцев негодовал, что вместо симпатичных голоногих официанток им "подсунули одетых мужиков с пистолетами под мышками", чем оживлял полночную трапезу.

Он налил себе яблочного сока (несмотря на свой вид и шокирующие заявления, Кашинцев вообще не пил спиртного) и отошел в сторонку, наблюдая за коллегами.

Здесь были собраны лучшие вирусологи, микробиологи и эпидемиологи Москвы и Петербурга. "Все штатские, – подумал Игорь. – Все – ОТКРЫТЫЕ ученые".

Наверное, в это же время, где-нибудь на другом конце Москвы, в таком же здании... – или в подземном бункере, кто знает? – собрались ВОЕННЫЕ врачи и обсуждают ту же проблему.

"Зачем позвали нас? – задавался вопросом Кашинцев и сам себе отвечал. – У нас – больше опыта, приобретенного на ЛЕГАЛЬНЫХ эпидемиях. Военные могут только изобретать смертельные вирусы, но все их разработки – чистое умствование. Ни один военный вирусолог не может проверить правильность своих выводов в реальных условиях. К счастью, он лишен такой возможности. А мы... Мы в чем-то – тоже военные. Но мы воюем с матушкой-природой...".

Кашинцев прекрасно понимал ситуацию. Он закончил Питерскую Военно-Медицинскую Академию и получил первичную специализацию как раз на кафедре микробиологии. Из него готовили разработчика бактериологического оружия, но у Игоря хватило ума вовремя отказаться.

Причина была проста. За семь лет учебы ему надоела казарма, и он больше не хотел быть военным. Наверное, Кашинцев ушел бы из Академии еще раньше, но была в его характере одна сильная черта, почти незаметная за напускным разгильдяйством – любое дело он доводил до конца.

Поэтому Игорь закончил с отличием Академию, прошел первичную специализацию, а уж в ординатуру пошел "гражданскую", от первого Петербургского "меда". Словом, выбрал удачный момент: на этапе ординатуры пути микробиолога военного и гражданского расходились в диаметрально противоположные стороны. Одни учились убивать, другие – лечить.

На кафедре первого "меда" его дела быстро пошли в гору. Еще в ординатуре Кашинцев успел написать кандидатскую. Через два года защитил докторскую по теме "Лизогенная конверсия" и стал самым молодым профессором – в двадцать девять лет.

Вирусы были его подлинной страстью, особенно – вирус гриппа; казалось бы, хорошо изученный, но, тем не менее, продолжавший преподносить сюрприз за сюрпризом.

Сегодня вечером Игорь собирался посмотреть свой любимый фильм – "Мертвец" Джима Джармуша (про девушку он, конечно же, наврал. С ними у него как-то не получалось). Кашинцев удобно устроился в глубоком кресле, поставил рядом табуретку, на нее – электрический чайник, чтобы лишний раз не отвлекаться, и уже хотел нажать на пульт, как вдруг раздался телефонный звонок.

Хорошо поставленный мужской голос сообщил, что за ним сейчас заедут.

– Когда? – спросил изумленный Игорь.

– Через пятнадцать минут, – сказал голос. – Ваш рейс вылетает из Пулково в двадцать сорок семь.

– Куда вылетает? – спросил еще более изумленный Кашинцев.

– В Москву.

Голос не обманул: через пятнадцать минут за ним действительно заехали, а еще через час он уже был в воздухе.

– Это хорошо, что на питерских такая мода, – сказал Кашинцев сопровождающему – мрачному неразговорчивому мужчине с челюстью, выпуклой и твердой, как пятка Брюса Ли. –

Я вот только опасаюсь, что, если следующий президент будет из Владивостока? Сколько казенного горючего придется сжечь?

Сопровождающий откинулся на спинку кресла и сделал вид, что спит.

В половине первого ночи Игоря привезли в ИБХ и с ходу всучили кипу листов, отпечатанных на принтере. И чем дальше он читал, тем меньше понимал, чего от него хотят.

Квалифицированной помощи? Дайте ПОЛНУЮ информацию!

Сейчас он стоял в уголке и пил яблочный сок, размышляя над последними словами "распорядителя".

"В первую очередь вирус поражает жителей мегаполисов. Социально успешных, наиболее дееспособных, среднего возраста, без различия пола...".

Эта фраза приводила Кашинцева в восторг. Создать модифицированный вирус гриппа с такой высокой степенью избирательности – это титаническая работа. Нет, не просто титаническая – фантастическая! Например, если бы перед ним поставили такую задачу, он бы даже не знал, с какого конца подойти. Ну, может, он бы...

Кто-то осторожно коснулся его плеча, прервав размышления. Кашинцев резко обернулся, едва не расплескав сок, и увидел перед собой распорядителя.

– А-а-а, это вы...

– Игорь Константинович, пройдемте, пожалуйста, со мной, – сказал мужчина.

Кашинцев пожал плечами.

– Собираетесь предложить мне поучаствовать в каком-нибудь безобразии? Я – за!

Распорядитель выдавил слабое подобие улыбки.

– Вы можете разговаривать серьезно?

– А я вообще никогда не шучу! – ответил Кашинцев.

Распорядитель устало махнул рукой и пошел к выходу. Кашинцев – за ним. Они спустились в лифте на первый этаж. Перед зданием их ждала машина.

– Игорь Константинович, – сказал мужчина. – Я получил указания предоставить вам информацию в полном объеме. Для этого нужно будет переехать в другое место. Кроме того, я обязан вас предупредить. Все, о чем пойдет речь, является государственной тайной. Вы должны будете дать подписку о неразглашении и строго ее соблюдать. На какое-то время... возможно, на очень продолжительное время... ваши перемещения будут строго регламентированы...

– Проще говоря, я стану невыездным, – пришел на помощь Игорь.

Мужчина кивнул.

– А если я проболтаюсь, то скоропостижно скончаюсь от сердечного приступа?

– Возможны варианты, – сухо ответил распорядитель.

– Заманчивая перспектива! Ну что же, я считаю, это – достойная плата за труды. Возлюбленное Отечество никогда не забывает своих верных сынов!

– Я не могу настаивать. Вы вправе отказаться.

– Ну почему же? Мне интересно. Такой шанс выпадает ученому раз в жизни.

Мужчина пристально посмотрел на Кашинцева, желая понять, шутит он или нет. Но на этот раз Игорь был серьезен.

– Я согласен. Подпишу все, что скажете. Вы только... Кстати, как мне к вам обращаться? – перебил он себя.

– Валерий Алексеевич, – мужчина протянул узкую, но очень сильную руку.

Они обменялись крепким рукопожатием. Затем Кашинцев подошел к машине и сел на заднее сиденье. Распорядитель устроился на переднем.

– Валерий Алексеевич!

– Да?

– Ответьте, пожалуйста, на один мой вопрос, а то, боюсь, я умру от любопытства прежде, чем доеду.

– Какой?

– Скажите, а кто разработал этот вирус? Кто его изобрел?

Распорядитель несколько секунд колебался. Затем спросил:

– Это поможет вашей работе?

– Ну-у-у... Надеюсь, что да. У каждого мастера – свой почерк. Я думаю, мне было бы легче ориентироваться, если...

– Ильин. Валентин Алексеевич.

Кашинцев застыл, открыв рот. Его реакция подействовала и на распорядителя. Вторым раз за сегодняшнюю ночь он понял, что недооценивает серьезность ситуации.

– В чем дело? – обеспокоенно спросил Валерий Алексеевич. – Это что-то меняет?

Кашинцев медленно закрыл рот, беззвучно пожевал губами, открыл рот, чтобы что-то сказать, и снова его закрыл.

– Вы его знали?

– Ильин... – проговорил Кашинцев. – Он учился на четыре года старше меня. Знаете, он был самым умным в Академии. Мог свободно запоминать по несколько страниц любого текста, целые колонки цифр, читал на четырех языках... Говорить не умел – произношение было ужасным, но читал блестяще. А еще он обыгрывал всех в шахматы. Причем – вслепую. Ага...

– Что? Хотите сказать, положение безнадежно?

– Ну почему же? Был один человек, который иногда обыгрывал его. Тоже – вслепую.

Распорядитель нервно рассмеялся.

– Может, надо было обратиться к нему?

– Конечно, надо, – согласился Кашинцев. – Но... Вы попали как раз по адресу, – и он принялся что-то насвистывать, явно любуясь собой.

Некоторое время они ехали молча, потом Кашинцев громко хлопнул и нетерпеливо потер руки.

– Ну? Скоро мы будем на месте? Эх! Ильин! Задам я тебе...

Валерий Алексеевич повернулся к нему и ехидно улыбнулся.

– Как насчет девочек? – сказал он, показывая на стайку проституток, стоявших на тротуаре. – Захватим с собой парочку?

Мгновение – и машина промчалась мимо, оставив путан далеко позади.

Кашинцев даже не стал оборачиваться.

– Да ну их! Похоже, у нас будет занятие повеселее!

* * *

Сон был беспокойным, отрывочным и при этом – очень вязким. Он никак не хотел ее отпускать. Поэтому, когда в семь утра прозвенел будильник, Алена Муратова даже обрадовалась его надтреснутому звону.

Она села на кровати и, не открывая глаза, стала шарить по тумбочке, пытаясь на ощупь найти большую круглую кнопку.

Пальцы почувствовали знакомую дрожь, и тембр звука изменился. Алена выключила будильник и сунула руку обратно под теплое одеяло.

Из этого состояния было только два выхода: либо снова повалиться на кровать, либо решительным рывком откинуть одеяло и опустить ноги на пол. В ту секунду более заманчивым Алене представлялось упасть на подушку; бредовый сон, прерванный вторжением реальности, мгновенно забылся, и девушка надеялась на то, что продолжение будет интереснее.

Второй выход требовал заметного усилия над собой, а перспектива ступить голыми пятками на холодный паркет выглядела просто ужасной, но, увы... Пора вставать.

Алена медленно отодвинула нагретое одеяло и повернулась на девяносто градусов, нащупывая кончиками пальцев комнатную твердь.

"Надо купить какой-нибудь коврик, – промелькнула привычная мысль. – Миленский такой половичок".

Она сделала в полусонном сознании первую заметку: съездить в ИКЕю. Не обязательно сегодня... Как-нибудь на днях. Может, в выходные. Если получится, то раньше, а если не получится...

Алена открыла глаза. Растрепанная постель. Плюшевый медведь средних размеров... Неопределенное животное ("кошкopes", как она его называла), также из плюша, пытавшееся взобраться ночью на медведя... "Ну, или как там у них все это происходит, не знаю..." – с горькой иронией подумала она.

С горькой иронией – потому что у нее это происходило немного не так, как хотелось бы. Возможно (и даже – скорее всего) – так, как хотелось бы ЕМУ, но совсем не так, как хотелось бы ЕЙ.

Алена запустила пальцы в густую шевелюру, стоявшую после сна дыбом, почесала макушку и, тяжело вздохнув, потянулась к тумбочке, где в ящике лежал незатейливый набор полосок – примитивный тест на беременность.

"Ну, и как можно ИМ после этого верить? – Алена и не заметила, как плавно перешла от частного случая к глобальным обобщениям. – Одни только глупые шутки и отговорки: "Как можно заниматься любовью в презервативе? Это все равно, что нюхать цветы в противогазе!", пустые обещания и самоуверенные заявления: "Не бойся, детка! Все под контролем!", а на самом деле..."

А на самом деле ей предстояло помочиться в какую-нибудь посудину – что уже само по себе непросто, – и потом полоскать в ней бумажные полоски, с замиранием ожидая, сколько поперечных черточек на них появится: две? Или – все-таки одна?

Алена встала с кровати, поправила трусики (специальные трусики, которые носила в определенные дни месяца; она надела их вчера вечером и даже положила прокладку – фол последней надежды) и поплелась в ванную.

Вопрос о явном несоответствии между полученным удовольствием и возможными последствиями встал перед ней со всей очевидностью.

Мочевой пузырь был полон, но Алена всячески оттягивала тягостный момент. Сначала она умылась и почистила зубы.

Затем...

"О черт возьми! Как некстати!". Результат был ИМЕННО тот, которого она меньше всего хотела. "Интересно, когда-нибудь в этой жизни бывает по-другому?" – подумала она, собираясь заплакать.

Подумала еще немного – и решила не плакать. Вместо этого – залезла в ванну, задернула занавеску и включила душ.

Душ успокаивает. Говорят, в этот момент человек чувствует себя, словно в утробе: теплая вода и мягкий шум, как в кровеносных сосудах матери.

Ее мысли переключились на то, что когда-нибудь и она тоже станет... "Ой-ой-ой! Я пока не готова...". На этом с душем было покончено.

Не вытираясь, Алена запахнулась в махровый халат и пошла на кухню. Мама жарила яичницу.

Она на мгновение оторвалась от плиты и внимательно посмотрела на дочь.

Алена всегда думала, что если таких женщин, как ее мать, использовать в больницах вместо рентгена, то в масштабах всей страны вышла бы колоссальная экономия. И ошибок наверняка было бы меньше.

– У тебя что-то случилось? – спросила мать.

Алена вместо ответа подошла к ней и, как примерная дочь, поцеловала в щеку.

– Нет, все хорошо.

В самом деле, не говорить же ей что-то вроде: "Ты помнишь, почти три недели назад ты задержалась на работе? Так вот, в этот день ко мне приходил Леша. Но дело даже не в том, что приходил, а в том, что он забыл по пути заглянуть в аптеку. Или – не захотел. Или – вообще не подумал об этом. Теперь это не имеет значения. Так вот, мамочка! Если не принять безотлагательные меры, то через девять месяцев тебя можно будет называть бабушкой". Нет, этого говорить никак не стоило.

Алена села за стол и подвинула к себе тарелку.

"Интересно, меня уже ДОЛЖНО тошнить или – пока еще НЕТ? – промелькнула идиотская мысль. Для человека, имеющего диплом врача, эта мысль была прямо-таки непозволительной, но... – Вдруг у меня все не так, как у других?"

Потом Алена рассудила, что все думают, будто у них не так, как у других, и это на самом деле так – у каждого все не так, как у других, но в конечном счете почему-то оказывается, что у всех все приблизительно одинаково.

От последнего рассуждения попахивало невероятной философской глубиной, а от яичницы пахло жареной ветчиной; в итоге материальное перевесило. Алена с удовольствием позавтракала, совсем не испытывая тошноты. Но мысли уже бежали, как вода – по проложенному руслу.

"Теперь мне надо есть за двоих", – вспомнилась фраза из какого-то фильма. Она подавила невольный вздох и улыбнулась матери.

Улыбка дочери встревожила несчастную женщину еще больше. Мать отложила в сторону вилку и положила подбородок на сцепленные руки.

– Алена, признайся честно, что произошло?

– Мама, ну я же тебе сказала... Ничего.

– Алена, мне кажется, ты что-то скрываешь. У тебя что-то не так, но ты не хочешь говорить со мной об этом. Это неправильно. Ты ведь знаешь, что ближе меня у тебя нет человека. Что бы ни случилось...

Алена кивала в такт ее словам. Помнится, Леша говорил приблизительно то же самое. Разница заключалась в том, что Леша раздражался подобной тирадой только в постели, а маме вовсе не требовалась интимная обстановка. Она могла и на кухне. За завтраком.

– Я знаю, что у тебя произошло. Я это чувствую, – сказала мать.

Алена внутренне напряглась, но пыталась не подавать виду.

– Я всегда знала, что так и будет. Я тебя предупреждала! – мать лишила подбородок опоры, погрозила дочери пальцем и принялась комкать передник.

– О чем ты говоришь, мама?

– Ты сделала неправильный выбор. Ты отнеслась к этому очень... Ты слышишь, очень! – безответственно. И теперь эта ошибка будет преследовать тебя всю твою жизнь.

Можно было возразить, что еще не все так фатально... Можно кое-что исправить. Если постараться...

– Я предупреждала тебя! Я говорила тебе! – продолжала мать.

Алене всегда это не нравилось. Складывалось такое впечатление, что мать втайне радуется ее ошибкам и прямо-таки упивается собственной правотой. Пусть и доказанной задним числом. "Aposteriori", – как говорили в таких случаях древние римляне древним грекам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.